

Демидовичъ П.П.

ИЗЪ ОБЛАСТИ ВѢРОВАНІЙ И СКАЗАНІЙ БѢЛОРУССОВЪ

«Этнографическое обозрѣние»
Кн. XXVIII, №1 (глава 1), №2-3 (главы 2-4). 1896

Этнографическое обозрѣніе

470

Годъ 8-й.

Кн. XXVIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

611

1896, № 1.

1
1E85

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

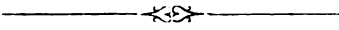
no. 28

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

- 31

Н. А. Янчука.

1896

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.

1896.

15

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естество-
знанія, Антропологін и Этнографін.

Москва, 1 августа 1896 г.

ИЗЪ ОБЛАСТИ ВѢРОВАНІЙ И СКАЗАНІЙ БѢЛУССОВЪ.

Въ представленіяхъ бѢлорусса очень ярко выступаетъ подраздѣленіе явленій на двѣ грани—доброе и злое, нечистое; все доброе своимъ источникомъ имѣетъ Бога, а нечистое — діавола. Этотъ дуализмъ въ міровоззрѣніи бѢлорусса несомнѣнно восходитъ къ эпохѣ доисторической. Съ того времени онъ претерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія, принялъ наслоенія, но въ главныхъ своихъ чертахъ остался однимъ и тѣмъ-же. Христіанская религія оказала на міровоззрѣніе бѢлорусса громадное вліяніе, но всетаки нельзя сказать, что старыя вѢрованія измѣнились кореннымъ образомъ: они приняли лишь иныя формы. Подъ вліяніемъ христіанства всѣ добрыя существа, помогающія человѣку, слились въ представленіи бѢлорусса въ образъ Единого Бога и его служителей—ангеловъ и святыхъ; злыя же существа, направляющія свою дѣятельность ко вреду человѣка и строящія для него разныя козни, соединились подъ собирательнымъ именемъ — чортъ, нечистый. Съ чортомъ бѢлоруссу приходится постоянно бороться, поэтому неудивительно, что онъ имѣетъ о немъ довольно отчетливое представленіе; подмѣтилъ въ немъ разныя характеристическія черты и сохранилъ въ своей памяти многія имена его, которыя уже не обозначаютъ отдѣльныхъ существъ, а только характеризуютъ чорта по его мѣстожительству и роду дѣятельности, напр., домовикъ—тотъ же чортъ, только живущій въ домѣ, лѣсовикъ—тоже чортъ, только живущій въ лѣсу и т. д.; даже русалки и тѣ часто сливаются у бѢлорусса съ понятіемъ о чортѣ.

Относительно представленія бѣлорусса о Богѣ мы можемъ узнать преимущественно изъ различныхъ версій и легендъ о хожденіи Бога по землѣ. Въ нихъ главнымъ образомъ выставляется на видъ доброта и милосердіе Божьи. Въ сказазахъ мы очень часто видимъ, какъ Богъ награждаетъ людей за добро и избавляетъ бѣдныхъ отъ ихъ горькой участи; при этомъ Онъ дѣйствуетъ не прямо, а какимъ-либо чудеснымъ образомъ; такъ, Онъ одному солдату далъ „скацерку-самобранку“, другому далъ „баранчика“, которому стоило только „стрѣянуцца“, чтобы съ него посыпались деньги, сыну царскому подарилъ волшебную „торбу“ и такой же „кій“ и т. д.

У бѣлорусса настолько слилось представленіе о Богѣ съ представленіемъ о добрѣ, что онъ не можетъ вообразить добра безъ особеннаго соучаствія въ немъ Бога. Интересенъ въ данномъ случаѣ рассказъ, слышанный мною въ м. Вселюбѣ Новогрудск. у. Минской губ.: „Разъ ксѣндзь гаварыў казань и папытаўся у людзей: „А гдзе Пан Бѣг з’ује?“ Вотъ адзинъ чалавѣкъ и гаворыць да яго: „А гдзѣ жь, ксенже,—у Н. Н.: вонъ у ягѣ уже куѣльки ўнукаў есть, а ўся сямья ў злѣгадзи жыве; кали хто што хоча рабиць, ту пытацца у старога—усѣ старога слухаюць. Вотъ тамъ и Богъ жыве!“

Въ дополненіе къ сказанному о хожденіи Бога по землѣ привожу рассказъ объ этомъ, слышанный мною отъ кр. изъ д. Кремушевки того-же уѣзда: „Жыли тры братѣ—два разумныя, а трэйци дурань. Разумныя братѣ засярдавали нѣшта на дурня и прагналі яго зъ дому. Ни дали дурню братѣ ниякихъ манаткаў, тѣльки тры баханѣ хлѣба. Узяў дурань гѣты хлѣбъ и пашоў, куды вочы глядзяць, а ноги панясуць. Ідзе ёнъ сабѣ ды йдзе дарогаю. Сустрачая яго старѣньки дзѣдъ. Стаў дзѣдъ прасиць у дурня хлѣба. Дурань вынаў адзинъ боханъ и аддаў дзѣду. Дзѣдъ, якъ узяў хлѣбъ, дакъ и пашоў далій. Дурань изноў идзе сабѣ памаленьку. Сустрачаюцца зноў яму дзѣдъ. Даў дурань и гѣтаму дзѣду боханъ хлѣба. Пашоў даранъ далій. Адножъ бачыць—идзе трэйци дзѣдъ. Выняў дурань апошни боханъ хлѣба, разламаў яго па палавини и аддаў адну палавину дзѣду. Прайшоў ище трохи дурань и сустрѣў ище аднаго дзѣда. Выняў гѣта дурань свой кусокъ хлѣба, адламаў трохи сабѣ, а рѣшту аддаў дзѣду. А сустрачаў ўсѣ гѣта дурня ня дзѣдъ, а самъ Богъ. Вотъ Богъ за добрасьць

дурняву даў яму дзвѣ травѣ: адну, адъ каторай усяки чалавѣкъ захварѣя, а другую, што ўсякую хваробу вылѣчвая. Прышоў дурань да дому къ братомъ и зрабиў, кабъ яны захварѣли. Пахварѣли трохи братэ, а посла дурань ўзяў ды вылячыў ихъ. Стаў гэта дурань лячыць па трошки и другихъ, а посла такъ добра ўсѣ надужыя съ цѣлаи вoкpyги ѣхали къ яму лячыцца. Дурань вылѣчваў ўсихъ. Прыѣхали разъ за дурнямъ, кабъ ёнъ ѣхаў къ хвораму пану. Паѣхаў дурань. Падышоў гэта ёнъ къ надужаму пану. А панъ и гаворыць яму: „Кали можашъ лячыць, дакъ лячы,—я табѣ многа грошай дамъ“. Прыгледзяўся дурань на надужага, адножь у яго ў галавахъ стаиць сьмерць. Пачаў дурань прасиць сьмерци, кабъ тая ня душыла пана. Злітавалася сьмерць и адступилася адъ пана. Выздаравѣў панъ и даў дурню вельми многа грошай. Жыў дурань доўга на сьвѣци—лячыў ўсѣ людзей, а посла занядужаў и памеръ. Хацѣў дурань и на томъ сьвѣци камандаваць сьмерцю гэтакъ, якъ и на гетумъ. Бывала, ўздуман сьмерць ици да Бога пытацца, якихъ людзей браць; дакъ дурань ў крыкъ: „што? я у Бога лѣпшы гаспадаръ, якъ ты,—я пайду!“ Пойдзя дурань да Бога. Богъ яму скажа, кабъ сьмерць ишла душыць старыхъ людзей. А дурань прыдзя ды гаворыць сьмерци, кабъ яна ишла грысьци тоя дзѣрава, што павалаялася. Сьмерць идзе и грызе. Прыходзиць изноў парá ици сьмерци да Бога пытацца, якихъ людзей браць. А дурань зноў у крыкъ и гвалтъ: „Я лѣпшы за цибе у Бога гаспадаръ. Чаго ты лѣзашъ, куда ня трэба? Я пайду!“—и йдзе самъ да Бога. Богъ яму кажа, кабъ сьмерць ишла душыць маладыхъ людзей; а дурань прыходзиць и кажа сьмерци, кабъ яна ишла грысьци маладнякъ, и ще прыгаворыць: „циперъ табѣ будзя трохи лѣпшай, якъ той разъ“. Пашла сьмерць ў лѣсъ и стала грысьци маладнякъ. Палажыла яна яго покатамъ. Прыходзиць сьмерць зноў да дому и хоча ици да Бога, кабъ Ёнъ даў ёй работу. А дурань уперся: „нѣ, я пайду и циперъ!“ Пашоў ёнъ да Бога. Богъ сказаў, кабъ сьмерць брала сярэдняхъ людзей. Прыходзиць дурань да дому и гаворыць: „циперъ табѣ нябось трудна будзя, упацѣяшъ добра — казаў Богъ, кабъ ты ишла грысьци таваръ (строевой лѣсъ)“. Пашла сьмерць ў лѣсъ и пагрызала ўвесь таваръ. Пашла нѣкъ разъ дурань и сьмерць разамъ да Бога. Сьмерць и пытаецца у Бога: „Ци праўда, што Ты казаў наўпѣрадъ мнѣ грысьци ляжачая дзѣрава, а

посыла маладнякъ ды таварь?“ Богъ кажа: „Я гэтакъ ни разу ни казаў“. Тогда сьмерць назнала, што дурань ўсё падманваў яе. А Богъ ничога—пасьмяяўся туольки“.

Хотя христіанство несомнѣнно оказало громадное вліяніе на возвышеніе идеи о Богѣ у бѣлорусса, однако она не достигла должной высоты, и часто приходится слышать вещи, составляющія положительный контрастъ съ нею. Не говоря уже о томъ, что нерѣдко дѣти и даже подростки рассказываютъ, какъ они видѣли Бога въ человѣческомъ образѣ, у взрослыхъ крестьянъ бываютъ довольно странныя и смутныя представленія о Богѣ.

Въ с. Никольскѣ Минск. у. мнѣ рассказывали, что одинъ крестьянинъ во время исповѣди на вопросъ ксендза: „A wiele jest bogów na świecie?“—отвѣтилъ: „Зачакай, пане ксенже, пайду пащытаю“, — и сталъ считать въ костелѣ иконы. Вообще иконы очень часто обоготворяются бѣлоруссами, и не разъ приходится видѣть, какъ женщина, указывая дитяти на икону, говоритъ: „вотъ Богъ, пацалуй Бога!“

Не безынтересенъ, я думаю, въ этомъ отношеніи слѣдующій рассказъ, записанный мною въ м. Вселюбѣ, Новогрудск. уѣзда.

— Жыла вельми кѣпска адна жонка съ сваймъ мужыкомъ. Парадзили ёй паставиць свѣчку на свайго мужыка и разамъ уже зъ гэтымъ имшу закупиць. У нядзѣлю пашла гэта жонка да царквы. Сустрѣла яе сусѣдка и пытая: „куды ты гэта, кумка, пойдзяшь?“—„А вотъ думаю пайци ў цэркаў, закупиць имшу на свайго *матара* ¹⁾, нязбожника“.—„Дакъ ты, кумка, глядзи, якъ-нѣбудзь ня абмыліся, ня закупи имшѣ да Пана Язуса: яны мушчыны усѣ роўныя—адзінъ за другога, якъ жыдъ за жыда, цягнуць. Дакъ хоць ты й закупишь да яго мшу, але ёнъ мѣжа такъ зрабіць, кабъ твайму мужыку было добра. Лѣпшай ты закупи имшу да Найсьвенчай Матки Бѣскай“. Паслухала гэтая жонка кумы, прышла ў цэркаў и доўга тамъ шукала вобраза Найсьвенчай Матки ²⁾.

По представленію бѣлорусса, Богъ живетъ на небѣ въ огром-

1) Бранное слово, равнозначущее слову „Калянь“, отъ собственнаго имени „Лютеръ“.

2) Ср. поговорку: „И Богъ ня укряя, калі Матка Найсьвенчая дапусьциць“.

номъ домъ (палацу). Небо есть громаднѣйшій сводъ, сдѣланный изъ вещества, похожаго на стекло. Звѣзды — это свѣчи, которыя, съ наступленіемъ вечера, зажигаются ангелами. Иные же считаютъ звѣзды за что-то похожее на ивановскихъ червяковъ (свѣтляковъ).

Изъ святыхъ угодниковъ Божіихъ у бѣлоруссовъ особенно почитается великомученикъ Георгій. Бѣлоруссы считаютъ его покровителемъ своихъ стадъ и даже дикихъ звѣрей. Празднованіе въ честь св. Георгія совершается 23 апрѣля, какъ разъ въ то время, когда впервые приходится выгонять скотъ въ поле. „Да Юрѣя кабъ было сѣна и ў дурня“ — гласить бѣлорусская пословица. Хотя въ настоящее время овцы и даже рогатый скотъ выгоняются въ первый разъ въ поле нѣсколько ранѣе 23 апрѣля, однако традиція требуетъ, чтобы въ этотъ день скотъ выгонялся на „Юрѣву расу“. Замѣчательно то обстоятельство, что „паміжъ Юрѣў“, т. е. между 23 апрѣля новаго стиля и 23 апр. стараго стиля, строго воспрещается выгонять въ первый разъ скотину въ поле (запасваць) ¹⁾. Также строго воспрещается переносить изъ села въ село въ это время „бердо“, „кабъ воўкъ ня душыў скацины“ ²⁾.

23 апрѣля у бѣлоруссовъ есть обычай устраивать на полѣ „рѣсу“. Для этого обыкновенно заготавливаютъ много разныхъ печеній крестьянской кухни, и поселяне, собравшись гурьбой, идутъ подъ вечеръ на поле и устраиваютъ тамъ пиръ. Во время пути на поле и обратно поются пѣсни, приуроченныя къ сему случаю, а порой играетъ кто-либо на скрипичѣ; пѣсни поются также и на полѣ, и при этомъ всѣ катаются по ржи. Въ с. Никольскѣ Мин. у. есть обычай въ этотъ день втыкать въ расщелины земли кости отъ освященныхъ на Пасху животныхъ: поросенка, курицы, гуся и пр. ³⁾.

¹⁾ Тоже и „мижъ Благовѣщынъ“.

²⁾ Кстати замѣчу, что „бердо“ кладется у порога въ хлѣвъ, когда въ первый разъ скотъ выгоняютъ въ поле, и скотъ долженъ проходить черезъ него. Кроме того, въ это время тамъ же кладется „навой“ (обрубокъ дерева, на который навиваютъ „основу“ или же полотно) и яйцо, которое непременно отдается нищимъ для молитвы за „свацинку“.

³⁾ Скорлупа съ освященныхъ яицъ втыкается въ расщелины бревенъ въ избѣ, „кабъ прусакаé ня надзилися“.

По представленію бѣлоруссовъ, „Юрай“ наканунѣ 23 апрѣля, ночью, „празнача́я ваўко́мъ, што хапаць на цѣлы годъ“. Объ этомъ предметѣ мною записаны въ с. Никольскѣ Мин. у. два разсказа.

а) — Пярадѣ Юрѣямъ адзинѣ дзякѣ пашоў ў лѣсь на паляванне и заблудзіў. Прахадзіў ёнѣ па лѣси ажѣ да цемнай ночы и ни знашоў дароги. Застаўся ёнѣ гэта ў лѣси начаваць. Пабаяўся ёнѣ гэта на зямли спаць, але залѣзъ на хвою, прыпѣрся нѣкъ тамѣ и заснуў. Подѣ поўначѣ гѣты дзякѣ пачаў нѣккі вельми вѣльки шумѣ на зямли. Пачаў ёнѣ прыслухоўвацца, адно жѣ тамѣ поўна ваўкоў. Абступили яны навакругѣ сьвятога Юрѣя; а ёнѣ имѣ ўсѣ разсказвае, што каму браць. На самы паслѣдакъ падышоў къ сьвятому Юрѣю клыпаты воўкъ и пачаў яго прасиць, кабѣ ёнѣ яму што небудѣ празначыў. Сьвяты Юрай доўга ни хацѣў яму ничо́га празначаць, дакъ воўкъ вельми уже стаў яго прасиць. Тагды сьвяты Юрай, кабѣ адчapiцца адѣ яго, сказаў: „Зѣўшъ сабѣ таго чалавѣка, што на хвои сядвиць“. А дзякѣ гэта самѣ сабѣ падумаў: „Трасцу ты мне зьяси, кали у мене ружѣе есьць“. Икъ дѣбра уже развиднилася, дзякѣ злѣзъ сабѣ съ хвои и пашоў да дому. Вышаў ёнѣ гэта зѣ лѣсу и сустрѣў съ свайго сяла людзей ды пачаў имѣ разсказваць пра ўсѣ, што бачыў. Тыя падзиви́лися, ды ни дали яму вѣры и пашли сабѣ ў лѣсь па грыбѣ. А дзякѣ тымѣ часамѣ цѣлы дзень да дому ня приходзіў. На заўтра пачали шукаць яго, дакъ знашли тѣольки ноги ў ботахѣ и абгрызаную гѣлаў ў хвойнику; а каля ихѣ было поўна воўчыхѣ слядоў: нѣдзя той клыпаты воўкъ задушыў и зѣў яго.

б) — Жыла адна ўдава. Была у яе чорная зѣ лысинаю карова. Празначыў сьвяты Юрай воўку зѣўсьци гѣтую карову. Дачулася пра гэта ўдава. Сусѣдзи ей парѣдзили замазаць лысинку у каровы чымѣ-небудѣ чорнымѣ. Удава гѣтакѣ и зрабила. Прышоў ў быдла воўкъ, шукаў-шукаў чорнай каровы зѣ лысинкаю и ни знашоў. Пашоў ёнѣ да сьвятога Юрѣя и стаў жалицца яму, што ни знашоў такои каровы, якѣ треба. Сьвяты Юрай знаў, што—за штуку зрабили воўку, и сказаў яму зѣўсьци чорную карову. Прышоў воўкъ зноў ў быдла шукаць уже чорнай каровы. А ўдава тымѣ часомѣ дачулася и абмыла у каровы лысинку. И гѣты разѣ воўкъ ни знашоў свое каровы. Хадзіў доўга гѣтакѣ воўкъ, шукаў ўсѣ каровы ту зѣ лысинкаю, ту чорнай, а ўдава ўсѣ падашуквала яго—и здохъ воўкъ зѣ голаду.

Теперь перейдемъ къ праздникамъ, какъ къ днямъ, посвященнымъ на служеніе Богу. Праздникъ въ представленіи бѢлорусса является не относительнымъ понятіемъ, а предметомъ живымъ, одушевленнымъ; за нарушеніе своей святости онъ самъ наказываетъ человѣка. Особенно извѣстна въ этомъ отношеніи бѢлоруссу „святая нядзѣлька“. БѢлорусская женщина никогда не засидится поздно вечеромъ въ субботу, изъ боязни, чтобы „святая нядзѣлька“ не пришла страшить ее. Много разказовъ можно слышать о явленіи „святой нядзѣльки“ и о тѣхъ наказаніяхъ, которымъ подвергаетъ она людей, не соблюдающихъ святости ея. Привожу изъ нихъ четыре, лично слышанные мною.

а) Шыла адна жонка поздна вечарамъ ў субботу. Такъ падъ поўначъ паказалися изі-падъ дзвьярей пяць пальцаў, а посьля икъ пакоцицца той жонцы трупяя галава падъ ноги, дакъ яна и вამлѣла. Мусиць гэта святая нядзѣлька прыходзила напалѡхаць гэтую жонку, кабъ яна б(у)ольшь гэтакъ ни рабила. (Слышалъ во Вселюбѣ, Нов. у.).

б) Сядзѣли у нядзѣлю, ужѡ такъ падъ вечаръ, жанкѣ на прызьби. Бачаць яны—идзе зъ ихъ таки сяла жонка съ капачомъ ў картоплю. «Куды ты, галубка, гэта йдзешъ? Гэта жъ нядзѣлька—грѣхъ картоплю капачъ», — гавѡраць ей.—«Дакъ што жъ грѣхъ, а што жъ я вечарамъ буду вѣсци, кали нима саўсимъ чаго варыць?»—сказала яна и пашла. Т(у)ольки што яна нагнулася и уляпилася за картопляникъ, дакъ скарчанѣла ўся и циперь ище сядзиць на томъ мѣсцы. И чаго ей ни рабиў мужыкъ, ніякія рады ни даў. (Слышалъ въ с. Никольскѣ, Мип. у.).

в) Адна жонка Аўдоля пастаянна хадзила да жыдоў и памагала имъ рабиць работу; у шабасъ уже дакъ яна пастаянна шынкавала. Разъ посьля шабасу яна ни пашла да хаты, а заста-лася у жыдоў сукаць ници. Доўга яна сукала ихъ, ажъ да самаи дванастан. Дакъ ей пѣкъ здалося, што ў хали вельми свѣтла. Яна пакинула сукаць ници и прылегла. Дакъ заразъ атчынилися дзвѣры и увайшла ў хату вяликая жонка, ды гавѡрыць: «А што жъ ты, Аўдоля, кончыла уже сукаць ници?» А Аўдоля тымъ часамъ спалѡхалася вельми и ни слѡўца навятъ ей ни отказала. Дакъ гэта-тая жонка узяла яе за сяредзину и пачала крупиць—ту ўнизъ, ту ўверхъ галавою. Крупила яна яе гэтакъ доўги часъ. Дакъ Аўдоля спалѡхалася вельми, дакъ захварѣла навятъ и прахва-

рѣла цяразъ гэта тры годы. (Слышалъ въ м. Вселюбъ, Новогрудск. у.; дало будто бы происходило въ м. Могильномъ, Игум. у.).

г) Пашла одна жонка ў надзѣлю лёнъ слаць. Паслала яна трохи таго лну и легла сапачыць. Дакъ вузь и ўпиўся ёй ў цыцки. Прышла гэта жонка да дому и галосиць. Назьбиралася людзей, стали даваць ёй раду и ниякъ ни магли таго вуза адарваць. Прывозиў мужыкъ да яе и дактароў и знахароў, але ни водинь зь ихъ ни даў рады. Цяразъ нѣк уольки дзёнъ тая жонка чамерла ¹⁾. (Тамъ-же).

Разсмотримъ теперь, въ какихъ образахъ рисуется въ воображеніи бѣлорусса представитель нечистой силы—чортъ.

Чортъ, по народному представленію, имѣетъ тѣлесный образъ; онъ съ виду черный, косматый, имѣетъ на головѣ два небольшихъ рожка, сзади хвостъ, на ногахъ и рукахъ много острыхъ когтей (кипцюрѣ); у чертей мужского пола есть даже борода, но борода эта жиденькая, козлиная. Чортъ можетъ принимать на себя разные образы; онъ можетъ являться въ образѣ животныхъ и даже человѣка. Принимая на себя образъ человѣка, онъ является преимущественно въ видѣ пана. Но какъ бы чортъ ни старался поддѣлаться подъ человѣка, все-таки его легко узнать по рогамъ на головѣ, «кипцюрамъ» на конечностяхъ и хвосту, такъ какъ эти признаки имъ не могутъ быть ни сброшены, ни измѣнены. Поэтому онъ старается по возможности закрыть эти отличительные свои признаки одеждой, и потому онъ всегда является въ шляпѣ и перчаткахъ на рукахъ ²⁾.

¹⁾ Ср. прокатіе: „Кабъ тваю вужé кроу смактали“.

²⁾ Говоря про образъ чорта, считаю не безынтереснымъ привести одинъ шуточный разказъ, какъ мальчикъ принялъ было за чорта козла. „Прыѣхау у Мирь (м. Новогр. у.) мужыкъ съ сынама на кирмань. Пасадзиу ёнъ гэта сына на возъ, а самъ пашоу поглядзѣць, што дзѣнца на кирмань. Игъ разъ гэтаю парою прыходзиць казёлъ падъ возъ. Стау гэта казёлъ каля воза ды усетрасе барадою ды блѣ. Хлопцѣ ни разу ни бачу казла и падумау, што гэта чортъ. Ёнъ гэта барджей палѣзъ на кабылу, а чортъ тымъ часамъ ускочыу на возъ и стау вьсьци сьна. Хлопцу гэта здалося, што казёлъ хоча его даставаць, дакъ сьнъ гэта скарвѣй пачау на дугу лѣсьци. А казёлъ радъ, што дабрауся да сьна—станць сабѣ на вози ды жуе. Угледзиу гэта нѣки чалавѣкъ ды высцьпабу добра пужкаю казла. Прышоу бацька. Вотъ сынъ и гаворыць яму: „Дакъ нѣк пашоу ты, татачка, дакъ сюды прышоу чортъ и хацьбу мне забраць. Бзчу я, што сьнъ уже на возъ лѣзя, дакъ я гэта барджей на кабылу;

Всѣми чертями управляетъ «самы старшы чортъ — Анцыпаръ, Ничыпаръ». Онъ «прабываѣя пастаянна ў пекли, за двананцацю дзвьярыма, на двананцаці ланцугѣхъ» «Пекло» находится подъ землю, въ болотѣ. БѢлоруссъ представляетъ, что земля есть не что иное, какъ кожа (шкура), покрывающая громаднѣйшій слой воды. Въ этой именно водѣ на самомъ днѣ находится «пекло». Небольшія глубокія ямы, встрѣчающіяся на лугу, бѢлоруссъ зоветъ «чортовыми окнами», и дѣти боятся бросать что-либо въ эти ямы или измѣрять ихъ глубину, чтобы не раздражить чорта.

Не всѣ, однако, черти «сѣдзяць ў пекли»: желаніе вредить, насколько возможно, людямъ тянетъ ихъ на поверхность земли. Съ этой цѣлью чортъ пріискиваетъ себѣ жилище поближе къ человѣку и ютится въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ очень часто приходится бывать человѣку. Но какъ бы то ни было, чортъ больше всего выказываетъ симпатіи къ водѣ и болоту; вода и болото—его стихія, и вблизи ихъ онъ старается обосновать главное свое становище.

Въ лѣсу «Немироўшына», по дорогѣ изъ сел. Вселюба въ д. Репемлю, на четвертой верстѣ, съ правой стороны, есть большая яма. Рассказываютъ, что на этомъ мѣстѣ чортъ имѣлъ намѣреніе построить домъ и выкопалъ яму для подвала, но пѣніе пѣтуха мѣшало ему окончить свою работу.

Въ с. Никольскѣ, Мин. у. чорту постоянно придаютъ эпитетъ «лозатый», вѣроятно, характеризую тѣмъ его мѣстожителство; тамъ же человѣку, слишкомъ часто и безъ разбора употребляющему клятву, говорятъ съ укоризной: «и дзѣ твой богъ? мусиць паць печу лапці плеце». Эта фраза, по всей вѣроятности, содержитъ указаніе на домового и его мѣстонахожденіе въ домѣ.

Всякое злое дѣло имѣетъ своимъ виновникомъ чорта. У бѢлорусса на вопросъ: почему ты такъ худо сдѣлалъ? первый отвѣтъ: «А чортъ яго вѣдаѣя». Изъ этого можно заключить, насколько вездѣ присущъ чортъ. Однако, не по всѣмъ мѣстамъ чорту можно рыскать на землѣ; такъ, ему нельзя взлетать на льнянице, коноплянице и пшеничнице, потому что изъ этихъ веществъ приго-

чортъ узлѣзъ на возъ и стау нибыта вьсьци сѣна, дакъ я гѣта пачау мась-цицца на дугу. На той часъ нѣки чалавѣкъ ишоу каля воза, да икъ дау чорту пужыи, дакъ чортъ саскочыу зъ воза и пабѣгъ. Дѣкъ я таму дзядзѣгу дзякавау, дзякавау.» (Слышалъ въ с. Никольскѣ, Мин. у.).

товляются «алѣй» (масло) и просфоры, которыя постоянно употребляются въ церкви; чорту нельзя также находиться въ водѣ съ Богоявленія до Рождества Іоанна Предтечи, садиться на вербу съ Вербнаго воскресенья до Богоявленія, и на всѣ вообще травы съ Рождества Іоанна Предтечи до зимы. Бѣлоруссы говорятъ, что чортъ съ Богоявленія по Вербное воскресенье сидитъ на вербѣ, съ Вербнаго воскресенья до Рождества Предтечи—на травахъ, а съ Рождества Предтечи до Богоявленія—въ водѣ.

Гдѣ бы чортъ ни жилъ, онъ старается устроиться обществомъ, которымъ управляетъ «старшы», обыкновенно старѣйшій въ обществѣ. Онъ имѣетъ большую власть надъ остальными чертями, имѣетъ право налагать наказанія на нихъ за сдѣланныя преступленія и даже изгонять изъ общества; такъ, извѣстно изъ одного разсказа, что чортъ даже служилъ нѣкоторое время человѣку по опредѣленію «старшого». Какъ бы ни было сурово наложенное наказаніе, чортъ долженъ отбыть его безапелляціонно. Разскажу одинъ случай, какъ изгнали черта изъ цекла.

— Разлажыў адзінъ падарожны чалавѣкъ агню, усадзиў кусокъ сала на ражонъ и прыщыць сабѣ. Сала стая капаць, дыкъ ёнъ падставиць хлѣбъ ды мажа саламъ па хлѣби. Выскачыў чортъ зъ балота, злавннў жабу, усадзиў яе на ражонъ и пяче. Стая пячы жъ жабы, дакъ чортъ возьма ды памажа ей чалавѣку па сали. Глядзѣў гэта чалавѣкъ, глядзѣў, а посьля якъ суна саламъ ў зубы чорту, дакъ зубъ и вывалиўся у чорта. Палѣзь чортъ ў балота и ўсе балота запаскудзиў кроўю. Узяў старшы ды выгнаў яго на берагъ. Прышоў чортъ зноў да таго чалавѣка и стаў страшыць яго: «Будзи табѣ за тоя, што ты мнѣ навывиваў зубы, вотъ паглядзишъ, казаў старшы, што дасьць табѣ!» А чалавѣкъ и гаворыць: «Але жъ думаяшъ, и спалохаўся я твайго старшого. Гэтакъ я и яго баюся, якъ цибе. Што жъ вы мнѣ зробица? Думаяшъ, я ни вѣдаю, куольки васъ». — «А куольки? скажы». — «Шесьць. Вотъ я вамъ дакъ дамъ!» Пабѣгъ чортъ къ старшому и гаворыць яму, што чалавѣкъ думая даць добра ўсिमъ чартомъ ў балоти. Засярдаваў старшы на чорта и паслаў яго, кабъ ёнъ памирыўся съ чалавѣкамъ. Чортъ ни паслухаў, ни памирыўся. Вотъ яго старшы ўзяў ды прагнаў зъ балота. Шукаў сабѣ чортъ мѣста, шукаў, а посьля нѣкъ асталяваўся каля млина, каля самага става. Што ни паправиць става мельникъ, дакъ чортъ раз-

гулянца и пазносиць ўсё. Думаў-думаў мельникъ, што яму рабиць; ѳзъдзиў и да знахароў и да знахарокъ,—никто ничога ни памогъ. Вотъ нѣкъ мельникъ сустрѣўся съ тымъ чалавѣкамъ, што выбиў чорту зубъ. Мельникъ расказаў яму пра сваю бяду. Чалавѣкъ зразу пазнаў, чыя гэта штуки, и кажа мольнику: «Добра, я памагу табѣ!»—«Гэта бѣ и вельми добра было», гаворыць мельникъ: «калі ты туольки ни смяесяся. Здаецца, уже нима вѣдама, што даў бы, кабъ хаця збавицца адъ гэтай заразы». Пашоў гэта чалавѣкъ къ мельнику, зрабили яны новы стаў, — заразы чортъ и стаў гуляць—ламаць стаў. Вотъ чалавѣкъ сапхнуў чайку, сѣў у яе и паѳхаў на самая тоя мѣсца, дзѣ вада круцилася, да якъ дасць нажомъ ў тоя мѣсца, дакъ тымъ часамъ ўсё и згинала, и николи боляй стаў ни ламаўся. (Слышалъ въ с. Никольствѣ, Мин. у.).

Черти женятся, имѣють дѣтей и живутъ семьями. Когда поднимется вихрь, то бѣлорусъ убѣжденъ, что это ѳдетъ «чортово вяселье». Если въ это время бросить въ вихрь какое-либо острое орудіе, то на немъ можно замѣтить кровь; это означаетъ, что брошенное орудіе попало въ чорта. Мнѣ удалось записать изъ устъ одной крестьянки изъ д. Дубровицы, Повогр. у., рассказъ о томъ, какъ одна женщина была бабкой у чорта. Рассказъ, положимъ, не новъ; но въ виду его интересности я привожу его здѣсь цѣликомъ.

— Была адна баба ў сялѣ, вельми добрая. Дзѣ туольки родзицца дзиця, дакъ ўсё яе звали—ў нocy и а поўначы. Разъ гэта баба и гаворыць: «Усюды я была бабаю, туольки ище у чорта ня была». Пузняй прыяжджая къ гэтуй баби шасьцѣркаю нѣки панъ и просиць яе за бабу. Прыяжджаюць яны ў домъ къ пану. Адно жѣ тамъ ляжыць паражаница. Приняла гэтая баба дзиця—ўнука Богъ даў. Тутъ яе ня вѣдаюць, дзѣ й пасадзиць, частуюць ўсимъ ўсякимъ. Пажыла баба ў гэтага пана доўги часъ. Прыгледзяла яна, што панъ нѣкаю масьцю вельми часта мажа сабѣ вочы. Вотъ яна ўзяла разъ и памазала сабѣ тою масьцю одно вока. Бачыць яна, што на сталѣ ляжаць ўсякія косьци—сабачыя, коньскія,—а гэта ўсё яна ѳла. Агледзялася баба, што саўсимъ у кепская мѣсца папала, и стала прасиць свайго ўнука, кабъ ёнъ адаслаў яе да дому. А вока тоя, што памазала, яна ўсё завязвала. Унукъ у яе пытая: «Чаму ты гэтая вока ўсе завязывашъ?»

А баба яму адказвая: «Нѣшта вельми балиць, ажъ нельга на сьвѣтъ Божы глядзѣць». Даў баби ўнукъ шасьпѣрку коняй, и баба паѣхала. Паглядзиць баба тымъ вокамъ, што намазала, дакъ саўсимъ добра видаць, што яе вязуць ни на коняхъ, а на асиनावумъ калу, и черци ўсе папахуюць. Прыѣхала баба да хаты и никому ни сказала, якоя ей здаревня было. Вотъ разъ зайшла яна ў карчму, а тамъ поўна народу назьбиралася: той пѣе, той такъ сядзиць, а някаторыя уже такъ набралися, што ўстаць ня могуць, някаторыя сварацца, някаторыя бьюцца,—вядома якъ у карчмѣ. Бачыць баба, што яе ўнукъ каля п'яныхъ ўсе ўвихаецца: таго ўщыпне, таго рване, таго пацягне—ўсе, кабъ билися. Баба и гаворыць да ўнука: «Што ты, ўнучакъ, такъ тутъ увихаецся?» — «А ци ты жъ мине, бабка, бачышь?» — «А няўжо?» — «Каторымъ жа вокамъ ты, бабка, мине бачышь?» — «А вотъ гэтымъ» — паказала баба чорту. «Дакъ кали жъ гэтакъ!..» сказаў чортъ и вырваў баби тоя вока. Баба нарабила крыку и бразгу. Кинулися люди да яе, глядзѣли, глядзѣли и ничога ня ўгледзjali; а баба тымъ часамъ асталася бязъ вока.

Интересный рассказ удалось мнѣ слышать въ с. Никольскѣ Мин. у., о сожительствѣ чорта съ женщиной.

— Пашоў адзинъ чалавѣкъ на ранки араць. Къ яго жонцы прышоў ў гэту самую пору чалавѣкъ, якъ разъ татыкъ (какъ) ёнъ самъ. Жонка прыняла яго да себе. И гэтакъ пѣк(у)ольки разъ было, и стала жонка адъ таго чалавѣка хадзиць ў цѣньжы. Прышла парá ей абрадзиница. Пакликали бабу. Абрадзинилася гэтая баба, да вельмижъ нялюцкая нѣкая дзиця прывяла — чорная, касматая, и рожки на галавѣ назначылися. Дала гэтая жонка яму цыцки, дакъ дзиця кали тне яе зубами за цыцку. Паглядзѣли яму ў ротъ, адно жъ у яго уже вяликія зубы; дакъ жонка ня стала уже б(у)ольшъ яму цыцки даваць. Стала гэтая дзиця прасиць хлѣба. Узяли ды падали яму снѣгу. Дакъ дзиця и гаворыць: «Добра, што дагадалися: кабъ вы дали мнѣ хлѣба, дакъ быў бы у васъ вельми няўр(о)дзай семь гад(о)ў, а циперь у васъ ня будзя снѣгу семь гад(о)ў». Сабраў чалавѣкъ людзей. Падзивилися люди и дагадалися, чья гэтая штука, и задушыли гэтая дзиця падушками, якъ жьдэ сваихъ душаць, а послая еще адсѣкли яму голаў и палажыли мижъ ногъ и ўбили ў спину асиновы колъ, кабъ ня хадзила в(у)парамъ.

Лѣтъ четыре-пять тому назадъ разсказывали, что подобный случай имѣлъ мѣсто въ Кіевѣ.

БѢлоруссы, слышавшіе кое-что про антихриста, имѣютъ убѣжденіе, что онъ родится отъ развратной женщины чрезъ совокупленіе съ діаволомъ. Такъ какъ евреи въ настоящее время ожидаютъ пришествія Мессіи, а христіане — пришествія антихриста, то нѣтъ ничего удивительнаго, что народъ перепуталъ представленія объ этихъ лицахъ и обоихъ ихъ относитъ къ разряду нечистыхъ духовъ, и слова — «Масыяшъ» и «анцихрысть» считаются у бѢлорусса одинаково бранными. Такъ одна крестьянка говорила въ насмѣшку надъ своей «вятроўкой»: «але жъ дзиця прывяла — настояшчы Масыяшъ!»

Черти любятъ сборища, на которыхъ они разсказываютъ другъ другу про свои похождения. Эти собранія происходятъ гдѣ-либо въ опредѣленномъ мѣстѣ, вблизи болотъ, среди лѣса, или кустарника, вообще въ мѣстахъ, болѣе или менѣе сокрытыхъ отъ взоровъ людскихъ. Еще бывають собранія чертей на перекресткахъ дорогъ, но они, по всей вѣроятности, имѣютъ характеръ случайныхъ встрѣчъ. Мѣста сходбищъ чертей (дзѣ черци сходзяцца) народъ зоветъ нечистыми, погаными, страшными.

Собравшись гурьбой, черти не прочь насладиться танцами и музыкой. Вспоминается мнѣ при этомъ разсказъ, слышанный отъ нар. уч. Марка Дудевича.

— Ишоў музыка зъ игрыща да дому. П'яны ёнъ быў уже добра. Идзе ёнъ гэтакъ и думая: добра бъ было, кабъ ня сблудзиць. Падыходзиць ёнъ далай, адно жъ стаиць хатка. Што за штука? думая музыка: вотъ табѣ й на! уже нима вѣдама, куды зайшоў. Пайду ў гэту хатку и запытаюся дароги. Вайшоў ёнъ ў хатку, ажъ тамъ многа народу сядзиць. Народъ нѣки черны, касматы, ноги тонкія, а ззаду, здасца, и хвостъ есьць. Дагадаўся музыка, што гэта за народъ, але уже нима чаго рабиць съ каханаю бядою. Тубольки ёнъ разявиў ротъ пытацца дароги, дакъ черци ўсѣ кали закрычаць: «А, музыка, музыка!» Таки шумъ падняўся, хоць заткни вушы и ўцякай да дому. Заразъ гэта пасадзили черци музыку на покуць и заправили яго граць. Граў ёнъ доўга, а черци ўсё скакали. Захацьблася имъ ище бубна, а тутъ негдзя ўзяць, — музыка сказаў, што ў яго нима. На гэты часъ якъ разъ случыўся прыпадакъ зъ музыкаю: вырваўся у яго ў порт-

кахъ гузикъ; портки зыльзели и вылезла аттуль кила. Черци угледзяли гэта и гавораць: «Ага, дакъ ты вонь куды скаваў адъ нась бубянь, — давай яго сюды!» Ня ўспѣў агледзяцца музыка, якъ черци адарвали у яго килу и стали бубницъ, а яму сказали бôляй граць. Граў музыка такъ добра да сьвѣту. Парадъ сьвѣтамъ черци прынесли музыку поўну торбу грошай, ўсе новыя чырвонцы. Пóтымъ пакинулися черци скакаць и нѣшта трохи змятушылися. Вотъ музыка—дай, Божа, ноги!—выскачыў на дворъ и пабѣгъ да дому. А черци забылися пра яго килу и ни аддали яму назадъ. Прышоў музыка да дому, стаў глядзѣць грошай, адно жъ ў торби грошай саўсимъ нима, туолька адно коньская гаўно. Але музыка абъ гэтумъ мала гараваў—вельми радъ быў, што пазбыў килу съ свайхъ рукъ. Быу у музыки сусѣдъ съ килаю. Стаў яму музыка радзиць, якъ пазбыць черпямъ килу; сказаў яму, якъ и куды ици, кабъ знайци чарцей. Паслухаў чалавкъ музыки и пашоў ночьюу да чарцей. Прыходзиць енъ на тоя мѣсца, якъ казаў яму музыка, адно жъ и па праўдзи стаиць хатка. Вайшоў енъ ў хатку. Заразъ чортъ выскачыў зъ-за стала и гаворыць: «А мы табѣ забылися аддаць бубна». Усхвацилася ище нѣкуôльки чарцей и прычапили гэтаму чалавѣку килу музыки. Прышоў чалавѣкъ да дому, на силу ноги цягая. Пытаяцца музыка у яго, ци ўдалося яму збыць килу. А той яму кажа: «Здохни ты лѣпняй адзинь, апрычъ добрыхъ людзей. Паслухаў дурня, захацѣў хваробы, дакъ маяшь: то была одна ўсяго, а циперь маю дзѣвѣ — сваю й тваю».

Вся дѣятельность чорта направлена ко вреду чело́вѣка, такъ какъ чортъ всѣми мѣрами старается за́получить чело́вѣческую душу. Такъ какъ Богъ отдае́тъ въ распоряже́нiе чорта ли́пъ души, обремененныя грѣ́хами, то чортъ прилагае́тъ всѣ старанiя къ тому, чтобы вовлечь чело́вѣка въ грѣ́хъ; и каждый содѣянный имъ грѣ́хъ чортъ записываетъ «ля памяци на валовьей шкуры». Списокъ грѣ́ховъ, сдѣланныхъ чело́вѣкомъ, чортъ, послѣ́ его смерти, представляе́тъ Богу въ доказательство своихъ правъ на получение души. О таковой дѣятельности чорта мы кое-что можемъ заклю́чить изъ слѣ́дующаго разсказа, слышаннаго мною въ с. Никольскѣ́, Мин. у.

— Жыў сабѣ адзинь чалавѣкъ. Николи ёнъ ни хадзиў ў церкаў, а туôльки скакаў дома царазъ калоду и гаварыў за першымъ

разамъ: «Гэта табѣ, Божа!», а за другимъ: «Гэта мнѣ, Божа!» Усяѣ было гэта яго малитвы. Адзінъ разъ пакликалі яго ў цэркаў. Пашоў ёнъ ў цэркаў. Усѣ, идучы, гразнуць, а ёнъ нібы та таго— идзе паверхъ грази. Зашлі гэта лыы ў цэркаў; вотъ гэты чалавѣкъ и бачыць, што тамъ многа людзей: іншыя моляцца, іншыя штурхаюць адно другога, а тамъ някаторыя гавораць, някаторыя сьмяюцца; а на акнѣ сядзіць чортъ и записвая тыхъ, хто гаворыць, ці штурхаюцца, ці сьмяецца. Назаписваў чортъ такіхъ цѣлюю валовую шкуру, болій уже нима гдзѣ писаць; а тутъ якъ на злосць — ту той загаворыць, ту той засьмяецца. Стаў гэта чортъ выпягаць шкуру, кабъ будільнѣ мѣсца было. Уляпіўся ёнъ зубами за адзінъ канецъ шкуры, а лапамі за други, напяўся, да якъ пердня. Чалавѣкъ гэта и рассьмяяўся. Вотъ чортъ и яго записавъ на шкуру. Вышли сь цэркви ниці да дому, дакъ уже и гэты чалавѣкъ нийдзе паверхъ грази, а ўсѣ гразня ды гразня.

Иной разъ чортъ прямо закупаець у чалавѣка душу, предлагая ему за нее разныя услуги, матеріальны достатокъ и богатство. Для большей вѣрности заключаемаго въ подобныхъ случаяхъ договора, чортъ требуетъ отъ чалавѣка расписки на душу. Расписка пишется чалавѣческой кровью, которую добываетъ закладчикъ души изъ своего мизинца, сдѣлавъ на немъ ранку. Чортъ обыкновенно прячетъ такія расписки подъ кожу на голени, отъ чего у него получается хромота. Расписку, выданную на душу, можно получить обратно, только ради этого нужно сходить «ў пекло къ Анцыпару» и хорошенько настращать его святой водой и крестомъ; тогда онъ созоветъ всѣхъ чертей и прикажетъ получившему расписку выдать ее обратно. Мнѣ извѣстенъ разсказъ, какъ одинъ чалавѣкъ не ходилъ за распиской «ў пекло», а собралъ для этой цѣли всѣхъ чертей на открытое мѣсто, зажегши костеръ изъ осиновыхъ дровъ.

Помимо слышанныхъ мною сказаній на эту тему, разскажу про одинъ случай, который будто бы недавно имѣлъ мѣсто въ д. Ковалевщинѣ, Новогрудск. у.

— Жыли два братѣ ў раздзѣлі. Вотъ къ аднаму стаў прыходзіць нѣккі чалавѣкъ ва снѣ и гаварыць яму: «Ты сплнш сабѣ спакойна тутъ, а таго ня знаешъ, што мая галава пахована падъ тваею печью. Приснилася гэтаму чалавѣку гэтакъ разъ, ёнъ сабѣ надумаў: «Атъ, мало што звярзецца ва снѣ» — и ничога ни рабіў.

Сницца яму гэта самая други и трэпци разъ. Бачыць чалавѣкъ, што гэта ня такъ сабѣ, што тутъ нѣшта есьць, и назаўтра ўзяў жалязьнякъ и пачаў капаць каля печы. Капануў ёнъ разъ, други — и запраўды выкапаў чалавѣчюю голаў. Эдатынаваўся чалавѣкъ, самъ ни вѣдая, што тутъ рабиць; а посла самъ сабѣ падумаў: «Кажуць людзи, што ня можна съ таго сьвѣту чалавѣка варушыць», — ды завапаў голаў на тоя самая мѣста. Лѣгъ чалавѣкъ спаць ў ночы. Зноў прыходзиць къ яму той вязнакомы и гаворыць: «Кѣпска жъ ты зрабиў, што закапаў назадъ маю голаў. Глядзи жъ, кабъ заўтра ты яе выкапаў и ўскинуў на гору (чердакъ) свайму брату». — «Што гэта за лиха ка мнѣ прычепилася?» думая чалавѣкъ: «треба уже панаравиць лихой скули, зраблю гэтакъ, якъ ёнъ казаў, можа, ци ня адчэпицца адъ мне». Узяў ёнъ гэта жалязьнякъ, выкапаў назадъ голаў и ўскинуў яе на гору свайму брату. Съ таго часу адвязаўся адъ яго страхъ и прыстаў да брата. Прышоў ёнъ першы разъ да брата ў дзень ды гаворыць: «Ци ты ня знаяшъ, што на тваёй гары мая галава ляжыць». Чалавѣка ўзяла цикавасьць: палѣзь ёнъ на гору и запраўды дастаў аттуль чалавѣчюю голаў. Тагды страхъ той пакликаў яго, павеў падъ хлѣў, ды гаворыць: «Во тутъ нядалека закопаны грошы; дай ты мнѣ расписку на душу, и я табѣ пакажу, дзѣ яны ляжаць». Чалавѣкъ дагадаўся тагды, хто гэта таки, и ни захацѣў ни грошай браць, ни расписки даваць. Съ таго часу прывязаўся чортъ да чалавѣка и пастаянна лѣзь яму ў очи, якъ смалѣ. Бывала, прыдзя чалавѣкъ ў хату, а чортъ за имъ и ўсе гаворыць яму пра грошы. Але то дзива, што гэтага чорта могъ бачыць тоўльки адзинъ той чалавѣкъ, а ўсѣ хатнія николи ни бачыли яго и ни чули навятъ гутарки яго. Паўдзи чалавѣкъ араць, а чортъ и тутъ ни пакидая яго: сядзя на рагачъ и ўсе гаворыць яму пра грошы и просиць расписки. Валомъ зробицца цяжка; чалавѣкъ паганяя, паганяя ихъ и ни якъ рады ня можа даць, — возьмя ды ѣдзя да хаты. Высохъ, змарнѣў чыста чалавѣкъ за гэты часъ. Бачыць енъ, што тутъ пива ня пярелиўки, и паўхаў па вѣдзьмара ў *Дарау* ¹⁾. Прывезъ енъ вѣдзьмара, павячерали яны и лягли спаць. Вѣдзьмаръ легъ на покуци за сталомъ. Тоўльки згасили ў хаці агонь, дакъ дзверы заразь адчынилися и

¹⁾ Мѣстечко въ Новогрудск. у.

зноў зачынилися, и ў хату увайшли двоя чужыхъ мушынъ. Гэта были черци: адзінъ, што прывязваўся да чалавѣка, а други, што памагаў вѣдзьмару. Сѣли гэтыя черци на лаўцы каля печы и пачали спрачацца, хто зъ ихъ павинянь уступець. Спрачаліся яны спрачаліся, ажъ покуль ни заспѣваў пѣвянь, а потымъ разышліся. Назаўтра вѣдзьмаръ ўстаў ды паўхаў да хаты, нічога ни зрабіўшы; а чалавѣкъ той памучыўся трохи ды памеръ.

(Слышаль въ м. Вселюбъ, Нов. у.).

Бывають случаи, когда чортъ, помогая челоѣку разбогатѣть, требуетъ отъ него какой-либо услуги и строго мститъ за невыполненіе ея. Рассказываютъ, что одному крестьянину носилъ чортъ деньги. Въ благодарность за это крестьянинъ всякій разъ долженъ былъ готовить ему яичницу. Чортъ, бывало, прилетитъ, съѣстъ яичницу, положить деньги въ тарелку и улетитъ. Подмѣтилъ это батракъ и съѣлъ однажды яичницу, приготовленную чорту, а въ тарелку намараль. Прилетѣлъ чортъ и увидѣлъ это. Разсердился онъ тогда и зажегъ домъ крестьянина ¹⁾).

Въ иныхъ случаяхъ чортъ является челоѣку какъ бы для того только, чтобы напугать его; въ такихъ случаяхъ крестьянинъ говоритъ, что онъ видѣлъ «страхъ». Г. Б. рассказывалъ мнѣ про два случая подобныхъ вѣдѣній чорта: одинъ будто бы былъ съ нимъ лично, а другой съ тестемъ его. Привожу ихъ съ его словъ.

— Въ одинъ изъ теплыхъ лѣтнихъ дней пошелъ якъ озеру купаться. На томъ мѣстѣ, гдѣ я обыкновенно купался, въ это время плескались дѣвки. Я задумалъ ихъ напугать. Со мной была простыня. Я надѣлъ простыню на себя и бросился съ крикомъ къ озеру. Дѣвки дѣйствительно испугались, стремглавъ выскочили изъ воды и пустились бѣжать во всѣ лопатки, кое-чѣмъ прикрывъ свою наготу. Я въ шутку послѣдовалъ за ними. Оглянулся я нечаянно назадъ и увидѣлъ, что за мной слѣдуетъ какой-то мой двойникъ. Я въ крикъ и бросился, что есть мочи, впередъ, обогналъ дѣвокъ и вбѣжалъ въ избу садовника. Тотъ присталъ ко мнѣ съ разспросами, отчего я запыхался. Я подвѣлъ его къ окну, а тамъ на дворѣ стоялъ еще тотъ незнакомецъ, что гнался за мной. Дѣвки вполслѣдствіи рассказывали, что онѣ видѣли этого незнакомца и отъ него именно убѣгали.

¹⁾ Тутъ, по всей вѣроятности, рѣчь идетъ про домового.

— Пошелъ мой тесть въ другую деревню на «вечорки», на всякій случай онъ покликать съ собой собаку¹⁾. Дорогой онъ замѣтилъ, что кто-то идетъ за нимъ. Сначала тесть и не подозрѣвалъ ничего, пришелъ спокойно въ домъ къ знакомой дѣвушкѣ и легъ спать съ ней; только видитъ онъ, что и тотъ человѣкъ, который слѣдовалъ за нимъ, какимъ-то образомъ очутился въ избѣ и хочетъ добратся до него, но собака мѣшаетъ этому. Передъ разсвѣтомъ мой тесть отправился домой; незнакомецъ послѣдовалъ за нимъ и всячески старался наброситься на него, но не могъ ничего сдѣлать, такъ какъ собака ни на шагъ не отставала отъ тестя. Придя домой, тесть раздѣлся и легъ спать. Лишь только онъ началъ дремать, какъ вдругъ съ чердака черезъ дырку надъ плитой (тесть былъ поваромъ и жилъ въ кухнѣ) кто-то сталъ швырять въ него чѣмъ попало. На утро, проснувшись, тесть замѣтилъ, что онъ съ ногъ до головы заваленъ кожами, что сохли на чердакѣ, полѣньями и т. п. предметами.

Вотъ нѣсколько еще подобныхъ разсказовъ, слышанныхъ мною отъ разныхъ лицъ. Разказы, слышанные отъ крестьянъ, привожу на бѣлорусскомъ языкѣ.

— Ишоў вечарамъ съ хрысьцинъ адзинъ чалавѣкъ съ жонкою. Жонка несла дзиця ззаду. Бачаць яны, што нѣхта идзе за ими. Яны баржджэй иди, и той чалавѣкъ прыбаўляя шагу; яны бѣгчы, и ёнъ бѣгчы. Дагадалися тагды яны, што гэта нѣки страхъ, да дай, Божа, ноги! якъ магà пабѣгли да хаты. Прыбѣгли яны гэтакъ къ дзѣвьярамъ, туольки што ўскочыли ў сѣни адно жъ и страхъ на танку. Добра, кажа, што гэтакъ ище захвацилися. Залѣзли тагды усѣ хатнія на печь и сядзяць, вельми папалдохалися. Заразь страхъ прынёсць *азяродную*²⁾ жердку, падсадзяў яе падъ падрубѣ и стау падвалаваць хату. Чалавѣкъ набиў ружьё грашми, бу чорта ни-

¹⁾ Дѣйствующая въ этомъ разказѣ собака по всему вѣроятію „ярчакъ“. Для выращивания „ярчака“ совѣтуется взять самаго послѣдняго (считая по времени рожденія) щенка, у котораго непременно должно быть черно во рту (вѣрнѣйшій будто бы признакъ злойшей собаки), и воспитывать его хотя до полугода въ комнатѣ, такъ какъ маленькимъ его легко можетъ похитить вѣдьма. Такая собака видитъ всякую нечистую силу и въ состояніи съ ней бороться.

²⁾ „Азяродъ“ — высойй плотъ изъ толстыхъ жердей, въ который вкладываютъ обыкновенно снопы ржи и другія хлѣбныя растенія для просушки.

што индшая ни бяре, прыцѣлиўся и гаворыць: «Атстэмпя, шатаня, а то ў лобъ запала!» А страхъ навятъ и ни турал, да ўсё стараяцца, кабъ якъ вышай падняць зрубъ и ўлѣсьци ў хату. Наўпередъ были вилаць яго поги туольки чудъ-чудъ, а то вотъ уже высадзилися на самыя калѣни, ище ўсё вышай зрубъ падмаяцца. Ище гѣрай палалохалися ўсѣ ў хаці; адно жъ заразы заспяваў пѣвянь, и ўсе прапала (Слышалъ въ с. Никольскѣ, Мин. у.).

— Разказваў Н. Н., икъ служыў ень ище ў замку у Н., дакъ прышлося лму разъ vascaвaць палэ, — нѣшта мѣўся князь прыѣхаць. Напирецъ прышлося вельми позна, бу спяшались вельми, кабъ, покиль князь прыѣдзя, ўсе гатова было. Такъ о дванастиуй гадзини утаниўся ень вельми и прылегъ на ложка сапачыць. Прыкархнуў ень трохи, дакъ чуя нѣхта трахъ-трахъ! идзе, ажъ падлога ўси падъ имъ дрыжыць. Спалохаўся ень, хоча праснуцца, дакъ ня можа. Падышоў нѣхта да яго чорны, касматы, узяў ўпапярѣкъ яго ложка и пачаў круциць. Пакруциў ень гэтакъ нядоўги часъ и папоў. Прачнуўся талды ень, дакъ ў той хаці уже никого ня было. (Тамъ же).

— Въ одной корчмѣ служанка, христіанская дѣвица, мѣсила еврейскій хлѣбъ. Вдругъ квашня стала быстро подыматься вверхъ. Служанка, замѣтивъ это, начала крестить квашню, и квашня опустилась на мѣсто. Жидъ въ это время лежалъ на лавочкѣ около печки. Замѣтивъ продѣлку служанки, онъ подумалъ, что она нарочно это дѣлаеть съ какою-нибудь заднею мыслью, и сталъ бранить ее. Вдругъ лавочка съ жидомъ ни съ того, ни съ сего, подобно квашнѣ, стала быстро подыматься вверхъ. Тогда жидъ давай кричать на служанку: «Хрысьци мине! хрысьци мине!» Служанка перекрестила его, и лавка опустилась на прежнее мѣсто.

Въ этомъ разказѣ и въ слѣдующихъ двухъ, вѣроятно, является дѣйствующимъ лицомъ домовой.

— Около сел. Почапова Нов. у. шинкарили два жиды въ одной корчмѣ. Перессорились они и стали дѣлиться. Съ этого времени въ ихъ корчмѣ стало что-то стучать, ломать и портить вещи, разрывать трубы и т. п. Жиды привозили раввина, чтобы тотъ прочиталъ молитву, но и это ничего не помогло.

— Недавно ходили слухи, что подобный случай былъ въ одномъ селѣ. Построилъ одинъ человекъ новый домъ. Лишь только во-

шелъ онъ въ него, какъ сталъ замѣчать, что въ немъ что-то неладное творится: ночью безъ всякой видимой причины подымается какая-то страшная возня на чердакѣ, такъ что нельзя уснуть. Присмотрѣлся внимательнѣе тотъ человѣкъ и замѣтилъ, что виновниками этого страннаго явленія были два аиста, которые каждую ночь по какой-то причинѣ посѣщали чердакъ. Человѣкъ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы отвадить этихъ непремѣнныхъ гостей, призывалъ даже священника служить молебенъ, но ничто не помогало, и аисты долго нарушали его покой ¹⁾.

Не всегда однако чортъ беспокоитъ человѣка своими злыми выходками, бываетъ много случаевъ, когда онъ лишь подшучиваетъ надъ человѣкомъ. Вотъ крестьянинъ только что видѣлъ свою «люльку», а она «ў ачывидки дзѣ-то згнула», какъ говорится— «и сабаки ня брахали, а люльку ўкрали». Это вѣрнѣй вѣрнаго продѣлка чорта; онъ сдѣлалъ «заземненне ў ачў», и крестьянинъ не видитъ своей люльки, хотя она тутъ же вблизи его находится. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ лишь три раза сказать: «Чортъ, чортъ! аддай маю люльку»,— и онъ отдастъ. Когда бѣлорусъ одолжаетъ кому-либо цѣнную для него вещь, то онъ опасается наказывать должнику, чтобы тотъ непремѣнно возвратилъ ее, иначе чортъ постарается такъ устроить, чтобы вещь не была возвращена, и прямымъ послѣдствіемъ этого будетъ ссора между кредиторомъ и заемодатцемъ.

Въ дополненіе къ сказанному привожу нѣсколько рассказовъ крестьянъ относительно подшучиваній чорта.

— Быў у насъ войтамъ Микалай. На панщину, бывала, рана галили людзей, дакъ войту треба было нице ранѣй ўставаць. Вотъ гэтакъ разъ заказаў ень ици усимъ на панщину ў *Надзерычы* ²⁾, а самъ пашоў туды наўпяродъ. Туолька што пярэбрыў ень Нѣманъ (Нѣманъ), дакъ наганя яго чалавѣкъ. Пашли йны рѣзамъ. Заманулася Микалаю занюхаць табаки. Дастаў ень табакерку и стаў нюхаць. И той чалавѣкъ, што нагнаў Микалаю, достаў сваю

1) Въ этомъ рассказѣ участіе домового очень рельефно выступаетъ, такъ какъ литовцы его называли Айтваросъ (Aithvaros), что собственно означаетъ пеликанъ. Очень возможно, что переводъ этого слова послужилъ для бѣлоруса толчкомъ къ представлевію домового въ образѣ аиста.

2) Нивніе Слуцкаго у.

табакерку и гэтакъ сама нюхала табаку, а посьля папрасіў навяць Микалая, запробаваць яго табаки. Микалай узяў ў руки табакерку, а тая падла ўся ажъ зяхаціць, вядома залатая. Бачыць той чалавѣкъ, што Микалаю вельми ўпадабалася яго табакерка, и гаворыць да яго: «А вѣдаяшь што, чалавѣкъ, можа замянемся съ табою на табакерки?» А у Микалая была табакерка нѣкая старая зъ бирозавай кары; дакъ Микалай вельми зарадаваўся ды пытая: «Можа вельми многа прыдатку захочашъ?» — «Нѣ, лобъ ў лобъ.» — «Добра!» Памяніліся яны на табакерки, падышли ще трохи разамъ, а потымъ разышліся: адзінъ пашоў на идну дарогу, а други на другую. Прышли людзи на работу. Вотъ Микалай захаціў пахвалицца, якъ енъ падмануў пó начы нѣкага чалавѣка. Стаў енъ даставаць сваю табакерку съ-за пазухи, адно жъ аттуль замижъ табакерки выняўся коньскій капыць. Усѣ падняли рогать. Дагадаўся тагда Микалай, съ кимъ гэта прышлося яму сустрэцца. Вѣчарамъ, икъ пашли усѣ да дому, Микалай зайшоў на тоя мѣста, дзѣ мяняўся на табакерки, адно жъ ляжыць тамъ яго табакерка. (Слышалъ въ с. Никольскѣ, Мин. у.)

— Ишоў адзінъ чалавѣкъ ў нocy да дому зъ Павáградка. Нагнаў яго ў лѣси нѣки чалавѣкъ. Вабраны енъ быў хóраша, якъ панъ, и за плячыма несъ двухрульная ружьё. Падышли яны трохи разамъ, пагутарыли, а патымъ панъ и кажа: «Замяняямъ на ружьё». А у таго чалавѣка быў нѣки зломакъ зъ адною руляю. Чалавѣкъ гэта паглядзѣў на панская ружьё и думал: «Кабъ яго лиха ня вѣдала, мусиць, дурны гэты панъ, ци што? А нѣ, можа дзѣ ўкраў—што хоча гэтакая ладная ружьё замѣняць ня зломакъ!» Падумаў енъ гэтакъ, надумаў трохи, а потымъ таки замяниў. Прыходзиць гэта енъ да дому, запалиў агонь и хоча паставиць ружьё на покуць. Хатнiя дзiвiяццa, што гэта енъ робиць. Вотъ жонка и пытая яго: «На што ты гэту падлу садзишь на сьвянцоная мѣста?» — «Якую падлу?» вiрачыўся чалавѣкъ: «Гэта жъ ня тбя, што было: я уже новая вымяняў: ты тоўльки палядзи, што-за ружьё?» — Што ты гаворышь? Разгледься: гэтажъ у цибе коньская галенка, а ни ружьё.» Разгледзяўся чалавѣкъ, адно жъ и па праўдзи ў рукахъ яго коньская галенка. Выкинуў енъ яё са злосьци на дворъ. На заўтра рáвнiянка схадзиў енъ на тоя мѣста, дзѣ мяняў ружьё, дакъ яно тамъ и ляжало. (Слышалъ отъ вр. изъ д. Бремусевки, Нов. у.)

— Ъхаў ўдзень разъ на валохъ Даміянъ. Падъяжджая енъ ў *Буды* *), дакъ бяжыць такі харошальги сабака. Злѣзъ гэта Даміянъ зъ воза, злавіў яго, пасадзіў на возъ и паѣхаў. Падѣхаў енъ да броду, дакъ бачыць, што на валохъ ажъ шумъ пастаў. Дзивицца Даміянъ, и самъ ни вѣдае, што имъ такой сталася. Стаў енъ працяжджаць Неманъ, дакъ валэ и саўсімъ прыстали. Засярдаваў Даміянъ и пачаў биць ихъ. Вотъ валэ папли уже. Зиркъ Даміянъ на сабачку, адно жъ той сядзиць уже на другомъ бѣрази и сьмялёца. Тўольки што хацьбѣ Даміянъ ни на ягѣ дакъ и згинуў, якъ ў ваздѣ растаў. (Слышалъ въ с. Никольскъ, Мин. у.).

— Ъхалъ еврей изъ сел. Вселюба вечеромъ домой. Видитъ опъ, лежить баранъ, да такой большой, просто страхъ! «Вѣроитно, кто-либо потерялъ его, вѣдучи въ городъ,—думаетъ еврей: возьму его себѣ, хорошій барышъ получу». Сталъ еврей поднимать барана на возъ, да не тутъ-то было! — баранъ тяжелъ и рвется. Еврей смялъ колесо съ телѣги и все-таки, понапрягши свои силы, елико возможно, взвалилъ барана на возъ. Подѣхалъ еврей къ Вселюбу, — баранъ засмѣялся и удралъ съ воза. Съ тѣхъ поръ этого еврея прозвали бараномъ. (Слышалъ въ м. Вележа, Нов. у.).

— Ъхали вечарамъ съ кирману людзи зъ нашага сяла. Бачаць яны—бяжыць ларѣгаю баранъ. Яны за имъ—баранъ дѣляй. Вотъ, здаецца, уже саўсімъ дагналі, можна злавіць,—нѣ, закруцицца нѣкъ и ўцячѣ! Бѣгали яны, бѣгали, змардаваліся чыста. Вотъ адзивиць чалавѣкъ и гаворыць: «Муеци, чортъ гэта, а ни баранъ». Дакъ у тую самую минуту и прапаў той баранъ. (Слышалъ стъ крестьянъ гатъ д. Лещанки, Нов. у.).

* — Прышоў ў нocy чортъ да аднаго чалавѣка и стаў зваць яго на имени. Чалавѣкъ той прагнуўся и пытае: «Хто тамъ?» А чортъ атказвае яму: «Ци ты ни пазнаў мине? Уставай, братъ, прэндзника (скорѣй) и пагонимъ валэ на ранки, адному нѣкъ сьпишна». Чалавѣкъ чул, што гаворыць падъ акномъ сусѣдъ яго, ўстаў гэта баржджѣй, заняў валэ и гониць. Бачыць ёнъ, што и сусѣдъ уже выгнаў. Пагналі яны разамъ и загнали далёка ў лѣсъ. Засьмяяўся тагда сусѣдъ ни свaimъ голасамъ и прапаў разамъ зъ валами. (Отъ того-же).

Особенно любитъ чортъ шутить надъ пьянымъ. Пойдетъ пьяный челоуѣкъ домой, чортъ непременно привяжется къ нему на

*) Урочище вблизи с. Никольска, Мин. у.

дорогѣ и выволочить его всюду, гдѣ только самъ пожелаетъ. Опачкается, замочится человѣкъ за это время — просто страсть! И главное, пока человѣкъ не подозрѣваетъ, что съ нимъ дѣлается, то можетъ ходить по самымъ топкимъ болотамъ и «азерынамъ», какъ по гладкой дорогѣ, хотя и видѣть будетъ, что идетъ по непроходимымъ мѣстамъ. Но лишь только озаритъ человѣка догадка о настоящемъ положеніи дѣла, то чортъ оставляетъ его на томъ же мѣстѣ, и онъ теряетъ свою чудесную способность. Привожу рассказъ о шуткѣ чорта надъ пьянымъ, слышанный мною въ с. Никольскѣ, Мин. у.

— Ишоў пьяны чалавѣкъ да дому. Сустрачая яго свать, «Добры вечарь!» — «Вечарь добры». — «Куды идзешъ, свать?» — «А да дому». — «Чаго табѣ цягнуцца ажъ да дому; вотъ мая хата, прыраначуй у мине!» — «Добра». Завёў гэтага чалавѣка свать къ сабѣ ў хату, памогъ яму узлѣзці на печь, раззуў яго и развѣсиў на жерікахъ анучы и лапцы. На заўтра праснуўся чалавѣкъ и дзивицца, якъ ёнъ гэта ўзбраўся на стогъ сѣна. Пачаў ёнъ кругомъ сибѣ разглядаць, адно жъ бачыць, што лапцы и анучы яго висяць нядалека на дуби. Стаў прыпамінаць чалавѣкъ и дагадаўся, што гэта, мусиць, ўчарашни свать яго туда ўсправиў,

Иные рассказываютъ, будтоэтотъ крестьянинъ очутился не на стогъ сѣна, а на «вышкахъ» въ своемъ хлѣву.

Говоря вообще о проказахъ чорта, упомянемъ о стремленіи его загораживать рѣчки. О происхожденіи озеръ и рѣкъ мнѣ удалось слышать въ с. Никольскѣ Мин. у. слѣдующее объясненіе. «Азера и рэчки капали ўсѣ звярѣ и птушки, за гэтымъ имъ усимъ можна пиць аттуль воду. Адзинъ *канюхъ* *) ни паслухаў Бога и ни капаў, дакъ за гэта яму ня можна пиць вады зъ рѣчки и вѣяра, а туболька тую воду, што адъ дажджа стаиць на листочку ци у ймаццы на камяни. Дакъ дзѣля гэтага канюхъ пастаянна и крычыць: «пиць, пиць!»

Конечно, птицы и звѣри выкопали лишь вмѣстилища для воды, а вода въ рѣкахъ и озерахъ появляется изъ-подъ земли чрезъ особыя дыры. БѢлоруссъ убѣжденъ, что въ каждомъ озерѣ должна быть такая дыра. По всей вѣроятности, чорту неприятно, что вода течетъ изъ-подъ земли; кромѣ того, загородивъ рѣчку,

*) Птица, ястребъ.

чортъ достигаетъ двухъ цѣлей: во-первыхъ, онъ приноситъ этимъ вредъ человѣку, во-вторыхъ, доставляетъ себѣ явную выгоду, приобретая удобное мѣсто для своего становища. Поэтому неудивительно что чортъ очень часто старается запрудить рѣку камнями; но не всегда ему удается это, и очень часто случается, что камни, назначенные для этой цѣли, остаются гдѣ-нибудь на полѣ или въ лѣсу, будучи недоставлены на мѣсто. Такихъ камней, носящихъ названіе «чортоу камянь», найдется много множество во всей Бѣлоруссіи. Недалеко отъ с. Никольска, Мин. у., въ урочищѣ Чертовица, находится огромный камень, про который рассказываютъ, будто бы чортъ несъ его къ Нѣману, желая запрудить его; но, къ счастью, въ это время пропѣлъ пѣтухъ, и чортъ вынужденъ былъ бросить камень. На камнѣ этомъ находятся какіе-то рубцы; крестьяне говорятъ, что это будто бы остались слѣды отъ когтей и реберъ чорта; самый же камень нѣсколько какъ будто изогнуть, и крестьяне объясняютъ это тѣмъ, что чортъ «зъ вѣлькага пуду» слишкомъ крѣпко бросилъ его о земь. Про пороги на р. Нѣманѣ рассказываютъ, что будто бы на томъ мѣстѣ чортъ устраивалъ плотину (тамаваньне), и ему осталось заложить лишь одинъ всего камень; но какъ-то въ это время случилось пѣтуху пропѣть, и этотъ камень остался незаложеннымъ. Рѣка впоследствии размыла всю плотину, и образовались пороги.

Описывая явленіе чорта человѣку, нелишне замѣтить, что они происходятъ почти всегда ночью, главнымъ образомъ «ў пдўначъ»; днемъ же очень рѣдко случается видѣть «страхъ», а когда и случается, то не иначе, какъ въ полдень. Поэтому бѣлоруссы страшится въ эти часы итти куда-нибудь въ глухое мѣсто въ одиночку, и особенно это можно замѣтить среди женщинъ. «Поўначъ» и пдўдня» олицетворяются бѣлоруссами, и часто можно слышать про ихъ явленія въ человѣческомъ образѣ людямъ. Но когда бы «страхъ» ни являлся, во всякое время имѣеть на него магическое дѣйствіе пѣніе пѣтуха; ни въ какое время онъ не можетъ устоять противъ него и всегда, заслышавъ его, исчезаетъ.

Крестьяне говорятъ, что «даўнѣй, икъ земля ни была сьвяцоная, дакъ страхоў было бусльшъ, а циперъ нѣшта ни чуваць *)».

*) Достойно примѣчанія слѣд. совпаденіе: по повѣрью, распространенному въ средѣ бѣлоруссовъ, камни, до освященія земли, имѣли способность расти.

Такъ, въ с. Никольскѣ М'ин. у., рассказываютъ, въ одномъ переулковѣ являлись какія-то кишки, которыя опутывали человѣка и держали его всю ночь; въ томъ же переулкѣ часто являлся «смаркаты» конь, который тоже страшилъ людей.

Мы видѣли, что при своихъ явленіяхъ людямъ чортъ мѣняетъ свой образъ на разные лады, измѣняетъ даже сообразно своимъ цѣлямъ видъ вещей. Но всѣ эти измѣненія не полное измѣненіе его существа, а лишь кажущееся для глазъ человѣка. Это, какъ выражается бѣлоруссъ, чортъ только «туманъ пуская ў очы». Этимъ объясняетъ бѣлоруссъ также и неожиданную потерю съ глазъ какой-либо вещи. Умѣняемъ «пускать туманъ ў очы» обладаетъ не одинъ чортъ, но и знахари, и штукари, и даже большіе воры. Въ чемъ именно состоитъ эта штука—трудно объяснить. Привожу два рассказа на эту тему.

— Ъхаў штукаръ. Сустрѣли яго падводы съ сѣномъ. Пачаў гэта штукаръ паказваць тымъ людямъ разныя штуки; а посьля поставиў калодку ды стаў лазиць вакруга яе, а людямъ тымъ здавалася, што ёнъ сапраўды лазиць празъ калодку. Стаяць яны ды дзвивацца. На Ъхаў задні чалавѣкъ. Штукаръ ня успѣў пусьциць яму ў вочы туману, дакъ яму папраўдзи видна стала, што штукаръ ўсе поўзая навакруга калодки, а не лазиць празъ яе. Дакъ гэты чалавѣкъ и гаворыць на мушынъ: «Чаго вы тутъ пастали? Што жъ тутъ за цудъ лазиць навакруга калодки?» Засярдаваў тагды штукаръ ды гаворыць да таго чалавѣка: «Глянъ, чалавѣчку, вонъ твой возъ гарыць». Чалавѣкъ зиркъ на возъ, адно жъ той увесъ въ агни. Вотъ чалавѣкъ той барждей пярарѣзаў гужэ и стаў выводзиць съ аглабѣль каня. Вываў ёнъ коня, дакъ возъ ныбыта таго стаиць цѣлы, якъ мая быць. (Слышалъ, отъ кр. изъ Тростянки, Новогр. у.; доводилось также слышать и въ с. Никольскѣ, Мин. у.).

— Пришоў штукаръ да пана и зачаў яму паказваць штуки. Той годъ у пана ня ўрадзила картопля. Вотъ штукаръ и гаворыць пану: «Я чуў, што у васъ сяголята вельми мала картопли, дакъ я, кали хочаця, дамъ свае вамъ», и пачаў разсыпаць па хаці

Это совпаденіе, по всей вѣроятности, не случайное, такъ какъ бѣлоруссъ считаетъ камень „чортовымъ братомъ“. Освященіе земли, кажется, совершалось съ пришествіемъ Христа на землю; но есть нѣкоторыя данныя, по которымъ можно отнести совершеніе его и къ болѣе позднему времени.

картоплю. Панъ такъ радъ: стаиць да пасьмѣиваяцца. Увайшла пани, дакъ той на сьвѣжыя вочы саўснимъ видаць, што штукарь сьмяецца съ пана и сыпля па хаці ня картоплю, але апилки и пясокъ. Стала пани крычаць на пана, на што ёнь пусьциў ў хату гэтаго шельму. Дакъ штукарь зрабиў такъ, што ў хаці стало поўна вады. Пани паднялася па поясъ и уцякла баржджэй у другія пакои. (Слышалъ въ с. Никольскѣ, Мин. у.).

Относительно пусканья воды слѣдуетъ замѣтить, что, по существующему въ Бѣлоруссіи повѣрью, если наловить двѣ бутылки ивановскихъ червяковъ и, закупоривъ ихъ плотно, поставитъ куда-нибудь въ теплое мѣсто недѣли на двѣ, то стоитъ лишь откупорить эти бутылки, и комната мгновенно наполнится прозрачной водой.

Прежде сказано было, что Богъ постоянно дѣлаетъ добро для человѣка, а чортъ, напротивъ, стремится дѣлать ему одно лишь зло. Уже по этому одному чортъ является противникомъ Богу. Эта черта въ чортѣ сказалась еще при твореніи. Чортъ хотѣлъ подшутить надъ Богомъ, но Богъ оказался сильнѣе его и обратилъ его шутку во вредъ ему.

— Зрабиў чортъ зъ глины воўка. Ишоў Богъ. Чортъ стаў имъ скаваць Бога: куси Бога! А Богъ тогда заскаваў чорта: куси чорта! Воўкъ зрабиўся живымъ и погнаўся за чортомъ. Чортъ уцякаў, уцякаў, а воўкъ таки яго злавіў и ўкусиў за лытку. Чортъ лѣдзьвя-ня-лѣдзьвя нѣкъ узлѣзъ на аleshynu. Вотъ аleshyna аттаго и стала чырвонаю, и циперь карову, кали вытняшъ ею, ту будзя кроўю спаць. (Слышалъ отъ кр. изъ д. Зеневщины, Нов. у.).

Какъ своего противника, Богъ часто наказываетъ чорта, пускаетъ въ него громовыя стрѣлы. Чортъ прячется отъ нихъ куда-только можетъ — подъ дерево, подъ корову, подъ лошадь и т. п. Стрѣла, пущенная въ него; поэтому иногда попадаетъ въ тѣ предметы, подъ которые онъ прячется, и наноситъ имъ существенный вредъ. Чортъ можетъ прятаться даже подъ человѣка, и нужно сказать, что это самое вѣрное убѣжище для него, такъ какъ человѣкъ наиболѣе всего близокъ къ Богу и очень возможно, что Богъ можетъ удержать свою карающую десницу ради своего любимца. Чтобы отогнать отъ себя чорта, человѣкъ во время грома долженъ креститься, быть въ молитвенномъ расположеніи духа, не шутить и не смѣять-

ся; нельзя также въ это время подпускать къ себѣ близко собаки, потому что собака «несвященная кость» и чортъ имѣеть вполнѣ свободный доступъ къ ней. Особенно строго бережется бѣлоруссъ во время грозы стоять въ водѣ. Вода, какъ прежде мы замѣтили, стихія наиболѣе доступная чорту; поэтому вполнѣ возможно, что чортъ можетъ спрятаться подъ человѣка, когда онъ находится въ водѣ. Поэтому бѣлоруссъ, завидѣвъ тучу еще издалека, никогда не рѣшится купаться. Вѣроятно, поэтому же запрещается купаться со времени праздника св. Ильи, такъ какъ около этого времени бываетъ очень много грозъ. Если чортъ во время грозы находится вблизи жилья человѣка, то онъ старается забраться туда, какъ въ мѣсто наиболѣе безопасное для него. Этого пуще всего боится бѣлоруссъ, потому что стрѣла, пущенная въ чорта, очань легко можетъ зажечь домъ. Для предотвращения такой бѣды, бѣлоруссъ ставитъ во время грозы «громничную» (срѣтенскую) свѣчу на окна и плотно закрываетъ дыры, ведущія въ домъ.

Но сколько, однако, ни склоненъ чортъ дѣлать зло, тѣмъ не менѣе чувство благодарности и справедливости не чуждо ему. Привожу рассказъ, какъ отблагодарилъ чертъ человѣка за предостереженіе его.

— Сядзѣли чалавѣкъ и чортъ на поли. Была той часъ вяликая бура и громъ. Чалавѣкъ кажа чорту: «Адыдзися ты адгѣтуль, а то цибе забье». Чортъ атскочыўся. Заразь такъ—бахъ! на тымъ мѣсцы стрѣлила. «Добра!» сказаў чортъ: «ты мине адъ смерци збавиў,—прыдзи жъ ты ка мнѣ на гэта мѣсца зъ тымъ, хто ў цибе ў доми найлѣпшы прыяцель—я табѣ нѣшта дамъ». Прышоў чалавѣкъ да дому и думая: „Хто жъ у мине найлѣпшы прыяцель, якъ ня жонка—пайду зъ ею“. Прыходзиць ёнъ назаўтра на поля и лёгъ спаць, а жонка стала искаць яго. Заразь прыляцѣў чортъ. «Зарѣжъ свайго мужыка», говориць ёнъ жонцы: «я табѣ дамъ многа грошай. «Добра!» кажа жонка: «дай тудльки мнѣ ножа». Чортъ ўзяў нѣкую треску, зрабиў зъ яе ножъ и даў жонцы. Жонка падышла къ мужыку и хацѣла уже шаснуць яго па горли, адножъ чортъ ўзяў и разбудзиў мужыка. Бачыць ёнъ — стайць жонка надъ имъ зъ нажомъ. Дагадаўся мужыкъ, што жонка хацѣла яго зарѣзаць. А чортъ яму падъ тоя и кажа: «Бачышь, ты думаў, што жонка твой найлѣпшы прыяцель,

а яна хацѣла дзѣля грошай зарѣзаць цибе,—падзякуй мнѣ, што я хаця ў пору пабудзиў цибе... Нѣ, чалавѣча, ў цибе ў гаспадарстві есьць лѣпшы прыяцель, якъ жонка.» На други дзень мужыкъ зноў прышоў на тоя мѣста. Увязаўся за имъ зъ дому сабака. Легъ мужыкъ спаць. Заразъ чортъ стаў спускацца. Сабака, якъ пачуў, дакъ заразъ обцасамъ кинуўся на грудзи къ гаспадару и пабудзиў яго. Устаў мужыкъ, разглядзяўся—и циперь туюльки дагадаўся, што у гаспадарстві у яго найлѣпшы прыяцель—сабака. Тагды чортъ аддаў мужыку ўсѣ тья грошы, што даваў яго жонцы, и яны разышліся. (Слышалъ отъ вр. изъ м. Вселюбя, Новогр. у.)

Нѣсколько словъ въ частности про домового.

Первое, что бросается намъ при этомъ въ глаза,—это смѣшеніе культа домового съ культомъ почитанія змѣй. Бѣлоруссъ не только представляетъ себѣ домового въ образѣ змѣи, но даже и по происхожденію считаетъ его едва ли не змѣей. Объ этомъ мнѣ удалось слышать слѣдующее. Нужно пѣтуха, который запоетъ на третій день послѣ выхода изъ яйца, держать семь лѣтъ. За это время онъ снесетъ сносокъ (маленькое яйцо, величиной съ голубиное), которое слѣдуетъ зашить въ мѣшочекъ и носить его подъ лѣвой мышкой шесть мѣсяцевъ. Въ этотъ срокъ изъ него вылупится змѣенышъ, который собственно и есть домовый. Въ благодарность за пріютъ онъ будетъ человѣку, выносившему его, доставлять обиліе въ хозяйствѣ ¹⁾.

Домовой обыкновенно живетъ въ клѣти («ў каморы», по нѣкоторымъ даннымъ—«падпѣччу») и вылѣзаетъ оттуда только на «дзѣды» для участія (или, вѣрнѣе, для начала и чуть ли не благословенія) въ общемъ ужинѣ, о чемъ см. рассказъ ниже. При этомъ ему оказывається всякій почетъ и уваженіе: дорога изъ клѣти до стола выстилается бѣлымъ полотномъ, кушанье предлагается самое лучшее, преимущественно молоко.

Одинъ кр. рассказывалъ мнѣ, что онъ былъ очевидцемъ, какъ на «дзѣды» домовый являлся на общій ужинъ къ крестьянину въ видѣ кудластой собаки.

Домового можно видѣть еще и въ вел. четвергъ; для этого слѣдуетъ только въ церкви на вечернѣ взять зажженную свѣчу и ит-

¹⁾ Срв. литовскій рассказъ въ „Этногр. Обзор.“ „Слѣды почитанія змѣй въ Бѣлоруссіи“. См. въ газетѣ „Волжскій Вѣстн.“ 1893 г. № 262.

ти съ ней домой, сохраняя бережно, чтобы вѣтеръ не загасилъ ее. Придя домой, съ этой свѣчей слѣдуетъ подняться на чердакъ и тамъ непремѣнно будетъ лежать домовой въ образѣ голаго человѣка. Тогда нужно чѣмъ-либо прикрыть домового, и онъ, въ благодарность за это, спросить у человѣка, чего ему нужно. Человѣкъ долженъ въ это время чистосердечно открыть домовому свои нужды, и онъ постарается устранить ихъ.

Домовой, помогая челоуѣку въ хозяйствѣ, требуетъ отъ него почтенія и уваженія, какое ему особенно оказывается на «дзѣды»; но, какъ мы видѣли изъ приведеннаго выше разсказа, домовый никогда не прочь отъ подобныхъ почестей и даже мститъ за неоказываніе ихъ и въ другое время.

Домовой также любитъ, если въ хозяйствѣ подобрано все согласно его личнымъ вкусамъ; тогда онъ съ особеннымъ рвеніемъ помогаетъ хозяину; въ противномъ же случаѣ онъ, вмѣсто помощи, приноситъ только вредъ; такъ, онъ заѣзживаетъ ночью пелюбимыхъ лошадей, коровъ и пр. Въ этомъ отношеніи играетъ немаловажную роль мѣсторасположеніе построекъ у хозяина, въ особенности дома. Для избѣжанія могущей возникнуть изъ-за этого ссоры между домовымъ и хозяиномъ дома, послѣдній передъ постройкой его долженъ сдѣлать слѣдующую пробу: въ четырехъ мѣстахъ, гдѣ приблизительно придутся углы дома, насыпается рожь. Если черезъ ночь рожь окажется нетронутой, то это вѣрный признакъ, что домовому нравится выбранное мѣсто. Въ случаѣ же если рожь окажется разгребенной, то это означаетъ, что домовый противъ постройки дома на выбранномъ мѣстѣ. Тогда хозяинъ долженъ насыпать четыре кучки ржи на другомъ мѣстѣ и такъ продолжать до тѣхъ поръ, пока послѣ ночи рожь не останется въ цѣлости. Если случайно хозяинъ построитъ домъ на мѣстѣ, которое не нравится домовому, то онъ будетъ ночью съ трескомъ и стукомъ разгуливать по дому и портить въ немъ вещи (объ этомъ см. помѣщенные выше разсказы).

Наконецъ, считаю умѣстнымъ отмѣтить здѣсь взглядъ бѣлорусса на нѣкоторыя еврейскія обрядности, въ которыхъ, по его мнѣнію, дѣло не обходится безъ чорта. День очищенія у евреевъ (Иомъ Кипуръ Газекара) бѣлоруссы зовутъ «хапуномъ», въ той увѣренности, что въ этотъ день евреевъ хватаетъ чортъ. Приво-

жу объясненіе одного крестьянина, знакомаго съ священной исторіей, почему именно чортъ хватаетъ евреевъ.

— Когда Моисей разбилъ золотого тельца, истолокъ его въ порошокъ, всыпалъ этотъ порошокъ въ воду и заставилъ евреевъ пить эту воду, то вдругъ предъ ихъ глазами предсталъ чортъ въ образъ разбитаго золотого тельца. Евреи не выдержали и бросились къ нему; онъ давай убѣгать и завлекъ, такимъ образомъ, евреевъ далеко въ пустыню. Моисей, желая собрать разбредшихся по пустынѣ евреевъ и не имѣя къ тому возможности, далъ клятву чорту, что, вмѣсто единовременной гибели многихъ евреевъ, онъ будетъ давать ему ежегодно по парѣ. Чортъ затрубилъ въ громадный рогъ, и евреи всѣ отъ мала до велика собрались вокругъ него.

Чтобы узнать, кого именно ухватить чортъ, евреи „на хапуна“ ходятъ къ рѣкѣ и смотрятся въ воду: чьей тѣни не будетъ, того, значить, и ухватить чортъ. Вечеромъ, въ самую глухую полночь, во время молитвы евреевъ, чортъ съ шумомъ влетаетъ въ ихъ школу (синагогу), гаситъ всѣ лампы и свѣчи и въ темнотѣ хватаетъ пару людей—еврея и еврейку. Кого именно ухватилъ чортъ, евреи узнаютъ по «пантоплямъ», которыя обыкновенно остаются на мѣстѣ. Ухвативъ жида, чортъ несетъ его въ болото и всякимъ способомъ тамъ мучить его. Натѣшившись вдоволь, онъ оставляетъ его, предварительно затоптавъ его хорошенько въ грязь, или же усадивъ на осину, а иногда и на сосну. Жидъ въ такихъ положеніяхъ обыкновенно мучится до тѣхъ поръ, пока не освободить его христіанинъ. Дерево, на которое чортъ посадить жида, обыкновенно послѣ того жалобно скрипитъ.

Дабы воспрепятствовать чорту ухватить кого-либо изъ своей среды, евреи «на хапуна» берутъ къ себѣ на всю ночь христіанина съ «громничной» свѣчкой. Хотя это считается для христіанина большимъ грѣхомъ, однако находятся нѣкоторые смѣльчаки, которые изъ-за денегъ рѣшаются на все. Всю ночь «громничная» свѣчка должна горѣть скрытою подъ «цѣрломъ»; когда же въ полночь поднимется шумъ, и погаснутъ въ школѣ всѣ огни, то христіанинъ съ возможной быстротой долженъ открыть свѣчку; тогда чортъ стремглавъ спѣшитъ во свояси и оставляетъ евреевъ въ покоѣ.

П. Демидовичъ.

(Окончаніе будетъ).

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1896, № 2—3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.

1897.

ИЗЪ ОБЛАСТИ ВѢРОВАНІЙ И СКАЗАНИЙ БѢЛУРУССОВЪ.

II¹⁾.

Неразрывно съ понятіемъ о нечистой силѣ стоитъ въ связи и вѣра въ ея служителей и хранителей на землѣ, каковыми являются у бѢлурусовъ «вѣдзьмары» и «вѣдзьмы». Объ нихъ мы и намѣрены сказать подробнѣе. По мѣрѣ того, какъ старое міровоззрѣніе отходитъ въ вѣчность, «вѣдзьмары» и «вѣдзьмы» все болѣе и болѣе теряютъ свое значеніе. Однако, вѣра въ нихъ въ настоящее время еще не изсякла среди бѢлурусовъ; особенно она упорно держится между женщинами. Заболѣетъ ли дитя, станетъ ли корова давать меньше молока, окажется ли въ молокѣ меньше сметаны, чѣмъ въ прежніе разы, и т. п.—бѢлуруска сейчасъ идетъ за совѣтомъ къ «вѣдзьмару» или «вѣдзьмѣ». Иной мужъ смотритъ на это дѣло скептически и въ удобную минуту подшучиваетъ надъ своей женой. Миѣ нерѣдко случалось слышать отъ крестьянъ рассказъ, представляющій въ въ невыгодномъ свѣтѣ «вѣдзьмарей» и «вѣдзьмъ», на тему: «Когда ты, бабушка, воровать стала?» — «Да когда хлѣба не стало». Привожу этотъ рассказъ.

— Намѣръ у бабы мужыкъ. Збѣднѣла яна такъ, што ня было навятъ чаго й ѣсьци. Пашла гѣтая баба къ пану прасиць хлѣба. Панъ даў ёй хлѣба, а посьля кажа: «Я цибе навучу, якъ свой хлѣбъ мѣць: стань ты знахаркою». — «Кали жъ я, паночку, ничога ни знаю», адказвая яму баба. — «Добра, я цибе навучу. Икъ хто прыѣдзя къ табѣ, дакъ ты пашапчы: «якъ жыў будзяшь, ту тутъ будзяшь; а помрешъ, тамъ будзяшь» — и дай посьля сьвянцонай воды налицца. Кали дасецъ Богъ каму на здароўе, ту выздаро-

¹⁾ См. Этногр. Обзор., XXVIII.

вѣя, а кали нѣ, ту памре». Абъявилася гэтакъ баба знахоркаю. Стала яна навятъ и памагаць иншымъ людзямъ. Вязли къ ёй адусюль хворыхъ, и яна ўсё лячыла. Пачала баба ниць сабѣ мѣцца. Захварѣў тымъ часамъ пань, што навучыў бабу знахарству: выросла у яго ў роци скула. Вазили яго по ўсихъ дактарохъ, и никто яму ни могъ рады даць. Дачуўся пань, што нядалёка живе знахорка. Паѣхаў ёнъ да яе. Пань и ни пазнаў, што гэта тая самая баба, што ёнъ яе нѣкали вучыў знахорыць. Пачала баба надъ имъ шаптаць. Прыслушаўся пань, да якъ рассмяўся—скула прарвала, и пань ачуняў.

Не взирая на все сказанное, часто въ трудныхъ обстоятельствахъ и самъ крестьянинъ обращается къ «вѣдзьмарамъ» и «вѣдзьмамъ» за помощью; но это бываетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ; напр., когда онъ заболѣетъ тяжкой и изнурительной болѣзнию, противъ которой всѣ усилія мѣстныхъ фельдшеровъ окажутся тщетными; или же прикинется такая хворь, въ лѣченіи которой компетентны, по его мнѣнію, лишь «вѣдзьмары» и «вѣдзьмы». Въ подобныхъ случаяхъ нельзя винить особенно крестьянина: утопающій и за соломинку хватается!

Не всѣ «вѣдзьмары» и «вѣдзьмы» пользуются одинаковой славою среди крестьянъ: есть между ними больше знающіе, есть и меньше знающіе. Бѣлоруссы подраздѣляютъ ихъ на множество рярядовъ. Самый низшій видъ знахарства существуетъ подъ названіями—з н а х о р ь и з н а х о р к а. Это люди, знающіе средство отъ какихъ-либо отдѣльныхъ болѣзней. Насобираетъ, напримѣръ, баба разныхъ растений (зѣлакъ), которыя отъ той или другой болѣзни «вельмы памоцны», какъ-то: чабору, порушенцу, расходнику, сухотнику, волосиннику и т. п., приготовить изъ нихъ какое-нибудь снадобье, или же только освятить ихъ въ положенное время (24 іюня, 6 и 15 августа, смотря, гдѣ какъ принято),—сосѣдки ужъ идутъ къ ней при нуждѣ за тѣми иль другими «зѣлками», и баба слыветъ въ средѣ ихъ «знахоркаю». «Знахорками» также называютъ и тѣхъ женщинъ, которыя знаютъ, какъ вывести переполохъ, вылить колотье, заговорить рожу, помочь отъ уразу, вправить вывихъ, навязать навязку на вывихъ, остановить (замовить) кровь, исцѣлить отъ укушенія змѣй, погадать на картахъ и на рукахъ и т. п. «Знахоръ» также долженъ обладать однимъ изъ этихъ свѣдѣній, но слѣдуетъ замѣтить, что

этотъ видъ знахарства преимущественно распространенъ въ средѣ женщинъ; изъ числа перечисленныхъ свѣдѣній есть нѣкоторыя, какъ выливанье колотья, смыванье переполоха, навязыванье навязки, исключительно распространенныя среди женщинъ. Всѣ исчисленныя свѣдѣнія не считаются особенно трудными, и для приобрѣтенія ихъ не требуется вступать въ сношенія съ чортомъ и продавать ему свою душу.

Иное дѣло «вѣдзьмарство» въ полномъ смыслѣ этого слова. Этотъ видъ вѣдовства обладаетъ гораздо большимъ запасомъ знаній, и не даромъ люди, посвященные въ эти тайны, носятъ названіе «вѣдзьмара» и «вѣдзьмы». Зато не дешевой цѣной и приобрѣтаются они: ради ихъ нужно вступить въ сношеніе съ чортомъ и продать ему свою душу. Но и въ этомъ разрядѣ вѣдовства не замѣчается полного равенства; среди такихъ «вѣдзьмарей» и «вѣдзьмъ» есть также старшіе и младшіе. По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что это неравенство происходитъ отъ неравносилности тѣхъ чертей, которые руководятъ тѣмъ или другимъ «вѣдзьмаромъ» (тоже «вѣдзьмой») и состоятъ прямыми ихъ пособниками. Бѣлоруссы это неравенство характеризуютъ словами: «Гэта не вялики ше вѣдзьмаръ, кали ўмѣя туюльки зрабiць, а адрабiць ня ўмѣя; вотъ то вѣдзьмаръ, кали самъ зрабiць, самъ и адрабiць».

По своему усмотрѣнію вѣдзьмары и вѣдзьмы могутъ насылать на человѣка ту или другую болѣзнь, лѣчить ее, наносить ущербъ хозяйству, или же, наконецъ, предупредить и исправить наносимую порчу хозяйству. Поэтому они для бѣлорусса страшнѣе самого представителя нечистой силы—чорта. Чортъ только старается заполучить душу у человѣка, и той, помимо воли человѣка, онъ не можетъ взять; на здоровье же и хозяйство человѣка онъ не заявляетъ никакихъ притязаній. Вѣдзьмаръ же и вѣдзьма, напротивъ, имѣютъ главнымъ образомъ вліяніе на здоровье и имущество человѣка. Такъ какъ это вліяніе выражается въ двоякомъ отношеніи, а именно въ принесеніи вреда и пользы человѣку, то бѣлоруссы питаютъ къ вѣдзьмарамъ и вѣдзьмамъ не только страхъ, какъ къ чорту, но и уваженіе. Однако, все это не мѣшаетъ ему называться вѣдовство нечистой силой; быть можетъ, тутъ главнымъ образомъ виновенъ источникъ, изъ котораго получается эта сила.

Бѣлоруссъ всѣми зависящими отъ него средствами старается избѣгнуть воздѣйствія этой нечистой силы какъ на него самого лично, такъ и на его хозяйство. Кажется, самое вѣрное и надежное средство—это жить въ ладу съ лицами, обладающими вѣдовствомъ. Но тутъ нельзя не отмѣтить одного любопытнаго воззрѣнія бѣлорусса. Онъ увѣренъ, что вѣдзьмаръ и вѣдзьма не могутъ принести ему никакого вреда, если онъ будетъ дѣлать имъ однѣ лишь неприятности: злоба дѣлаетъ безсильными всѣ ихъ чары. Тутъ однако есть нѣкоторое противорѣчіе, потому что очень многія чарованія бывають слѣдствіемъ злобы, отмсткой за причиненную обиду. Также нельзя ожидать вредныхъ послѣдствій чаръ, если вѣдзьмару или вѣдзьмѣ напередъ будетъ выговорено за это; тутъ, должно быть, гласность мѣшаетъ производству очарованія, самыя же чары сохраняють свою силу и могли бы оказать дѣйствіе, еслибы были пущены въ ходъ.

Существуютъ также заговоры противъ чаръ. Такъ бѣлоруссъ увѣренъ, что коль скоро онъ получитъ какой-либо предметъ, наплюетъ на него и скажетъ: «Цѣфу, цѣфу! куры с. .ли, кабы уроки ня брали»¹⁾,— то этимъ вполнѣ застрахуетъ его отъ чаръ. Приведенная фраза, вѣроятно, служитъ выраженіемъ полного пренебреженія къ вещи, а отсюда прямой выводъ, что если кто принесетъ ей существенный вредъ, при помощи чаръ, то владѣтель ея этимъ ничуть не огорчится. Проходя мимо вѣдзьмара или вѣдзьмы, бѣлоруссъ, въ предупрежденіе очарованія себя, складываетъ въ рукавъ шишъ и произноситъ: «Ражонъ табѣ ў горла, дзеркачъ ў с. .ку, соль ў вочи». Послѣ этого очарованіе окажется недѣйствительнымъ. Эта мѣра употребляется по преимуществу противъ «паганыхъ вачѣй» и завистливыхъ людей, такъ какъ, по мнѣнію бѣлорусса, зависть сама по себѣ оказываетъ вредное дѣйствіе на предметъ, возбудившій ее.

Еще не мудреная вещь избѣжать чаръ, если знаешь вѣдзьмара (или вѣдзьму), отъ котораго исходятъ онѣ; но часто бываетъ такъ, что человѣку вовсе неизвѣстенъ источникъ чаръ, онъ только ощущаетъ на себѣ воздѣйствіе ихъ. Въ данномъ случаѣ одно лишь средство избавиться отъ нихъ—это прибѣгнуть къ помощи другого вѣдзьмара (или вѣдзьмы), но хорошо, коли скоро попа-

¹⁾ Ср. поговорку: гдѣ куры с. .ли, тамъ жиды хавали.

дешь на болѣе знающаго, въ противномъ же случаѣ всѣ старанія могутъ остаться тщетными. Для устранения подобныхъ обстоятельствъ, бѣлоруссы знаютъ средство, какъ узнавать, кто вѣдзьмаръ и кто вѣдзьма. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ народъ.

— На запуски трѣба ўзяць ядучы кусокъ сыра и схаваць яго, кабъ ни хто ни бачыў. Назаўтра трѣба пашыць маленьки мяшочакъ, ўлажыць туды гэты сыръ и насыць яго падъ пахаю ўвесь вялики постъ, тубольки на «хрэспы»¹⁾ трѣба дастаць яго и тропки аткусиць. На Вяликдзянь, якъ будзя попъ гаварыць на вутрани и на абѣдни—«Хрыстось васкрось!»—трѣба гаварыць: «у мене сыръ есьць». А зладзяе и вядзьмарэ ўсе будучь прасиць: «дай сыра, дай сыра!» але сыра даваць имъ ня можна. Тагды можна будзя бачыць, хто што кѣпская зрабиў; ўсѣ зладзяе будучь стоиць съ тымъ, хто што украў; на вядзьмарохъ будзя гѣтакъ сама адмѣтка, што хто изъ ихъ зрабиў. Пасля абѣдни, якъ будучь людзи ици съ церкви, зладзяе и вядзьмарэ кругомъ абступяць чалавѣка съ сырамъ и будучь ўсѣ прасиць у яго: «дай сыра, дай сыра!»—але и цперъ ня можна имъ даваць сыра, бу яго усимъ ня стая, и вядзьмарэ и зладзяе могуць разарваць таго чалавѣка. Дзѣля гэтага трѣба набраць поўны кишени канापель и, якъ стануць вядзьмарэ и зладзяе прасиць сыра, трѣба имъ ў вочы сыпнуць канापель и йци даяль. Яны стануць падбираць, а чалавѣкъ можа спакойна ици да хаты. Кали на дарози вѣдзьмарэ и зладзяе ище нагоняць яго, ту ёнъ сыпля имъ боляй канапель. Дома, прышоўшы съ церкви, трѣба ва ўсихъ хлявахъ парабить крыжѣ (кресты) надъ усими дзвьярыма грамничнаю сьвѣчкаю и трохи спалиць яе тамъ, кабъ вядзьмарэ ни магли пашкодзиць набытку. (Слышалъ въ с. Никольскѣ, Мин. у.).

Теперь является вопросъ: откуда почерпаютъ свое вѣдѣніе вѣдзьмары и вѣдзьмы? Они получаютъ его преимущественно другъ отъ друга. Передача обыкновенно совершается уже тогда, когда вѣдзьмаръ думаетъ самъ перестать заниматься этимъ дѣломъ,

¹⁾ Половина поста, среда на крестопоклонной недѣлѣ. Въ этотъ день бѣлоруссы пекутъ пирога изъ гречневой муки съ макомъ или же коноплянымъ сѣменемъ. Одинъ пирогъ печется въ видѣ креста (отчего, вѣроятно, и самый день получаетъ названіе), а остальные въ видѣ бороны, сохи и др. земледѣльческихъ орудій. Въ этотъ день еще катаются на качеляхъ и скачутъ „палапосту“.

преимущественно при смерти, потому что со времени передачи своихъ знаній вѣдзьмаръ становится безсильнымъ. Передъ смертью обыкновенно передается чародѣйство еще и потому, что вѣдзьмаръ (тоже и вѣдзьма), умирая, подвергаются невыносимымъ мученіямъ, коль скоро не передадутъ своихъ знаній другому человеку. Причина этого явленія та, что чортъ, помогая вѣдзьмару (или вѣдзьмѣ) весь его вѣкъ, въ благодарность за свои труды, старается получить его душу. Душа вѣдзьмара, предчувствуя или даже испытывая это на самомъ дѣлѣ, нестерпимо страждетъ, и страданія эти продолжаются до тѣхъ поръ, пока вѣдзьмаръ не передастъ кому-либо своего вѣдовства. Тогда, вѣроятно, чортъ не имѣетъ прямыхъ основаній забрать въ свое распоряженіе душу вѣдзьмара, и онъ спокойно умираетъ. Есть и другой способъ избавить умирающаго вѣдзьмара отъ излишнихъ мученій—это вынести его въ сѣни, на дворъ, или же разобрать потолокъ въ той комнатѣ, гдѣ находится умирающій, чтобы дать тѣмъ вполне свободный путь чорту унести душу вѣдзьмара; но этотъ способъ не хорошъ тѣмъ, что передаетъ душу вѣдзьмара прямо чорту въ руки, и вѣдзьмаръ, по этому, всегда старается передать предъ смертью свое вѣдовство другому человеку.

Не зная, въ чемъ собственно состоитъ «вѣдзьмарство», нельзя съ точностью опредѣлить, что именно сообщается при передачѣ: заговоры, составъ снадобья, или что-либо другое; самый же способъ передачи отчасти можно прослѣдить. Въ д. Кнотовщинѣ, Мин. у., недавно умеръ вѣдзьмаръ. Рассказывали, что предъ смертью онъ налилъ полный стаканъ водки, пошепталъ что-то надъ нимъ, потомъ плюнулъ въ него и предлагалъ его выпить своему внуку, но тотъ отказался. О томъ, какъ сдѣлался этотъ человекъ вѣдзьмаромъ, мнѣ доводилось слышать слѣдующій рассказъ.

— Ъхаў русски. Саўсимъ растрэслися у яго валеса. Пачаў ёнъ прасиць у д. К. калесь, и кӯольки ёнъ ни напросиўся, ни хто ни хацѣў даць яму. Потымъ гэты чалавѣкъ зайшоў да Г., дакъ той и даў. Дакъ гэта русски и сказаў яму: я табѣ прышлю пчоль, тӯольки ты глядзи, пильнуй вотъ у такі и такі дзень. Г. ждаў, ждаў пчоль у той дзень и ничога ни прыждаў, Цяразъ тры дни пчолы аднакӯважъ прыляцѣли. Съ таго часу у Г. разъ-вялися пчолы. На други годъ русски прыѣхаў да яго, аддаў яму

калѣса и мусиць яму нѣшта адказаў, бу якъ разъ съ таго часу Г. стаў вядзьмаромъ.

Еще разсказываютъ, что одинъ вѣдзьмаръ, умирая, хотѣлъ передать свое вѣдзьмарство кому-нибудь изъ родныхъ; но такъ какъ никто изъ родственниковъ не согласился принять его, то вѣдзьмаръ обратился со своимъ предложеніемъ къ вошедшему въ въ избу сосѣду; тотъ охотно изъявилъ свое согласіе на это. Тогда вѣдзьмаръ сказалъ ему: «пойди ты вотъ въ такое-то мѣсто, тамъ тебѣ встрѣтится сивая кобыла». Что это за сивая кобыла, трудно предположить; но этотъ человѣкъ дѣйствительно, пойдя на указанное мѣсто, встрѣтилъ сивую кобылу и съ той самой поры объявился вѣдзьмаромъ.

Вотъ еще одинъ случай передачи вѣдзьмарства, слышанный мною изъ вторыхъ рукъ. Въ одной изъ деревень, расположенныхъ въ окрестностяхъ г. Новогрудка, проживаетъ «велики вѣдзьмаръ Данила». Онъ будто бы сознался, что получилъ вѣдовство слѣдующимъ образомъ. Во время крѣпостного права жилось ему весьма худо; былъ онъ настолько бѣденъ, что даже нуждался въ кускѣ хлѣба. Въ одинъ изъ лѣтнихъ дней пошелъ онъ на панцину. Присматривалъ за работниками престарѣлый экономъ. Въ обѣденное время этотъ экономъ отвелъ Данилу въ сторону и сказалъ ему: «Вотъ ты теперь бѣденъ, не имѣешь даже хлѣба; возьми отъ меня то, что я знаю, и будешь имѣть и деньги и хлѣбъ». Данила очень обрадовался случаю избавиться отъ бѣдности и съ большою охотою принялъ предложеніе. Тогда экономъ подвелъ его къ громадному камню. Отвернули они вдвоемъ этотъ камень и нашли тамъ какую-то книгу. Экономъ сказалъ Данилѣ, чтобы онъ, какъ только настанетъ ночь, легъ спать на этой книгѣ, и увѣрялъ его, что онъ черезъ это все узнаетъ. Данила, переутомленный отъ трудовъ, развернулъ книгу, прилегъ на ней и сладко задремалъ. Проспалъ онъ спокойно до самой ночи; ночью же пришелъ къ нему какой-то «паничъ ѿ капелушы» и сталъ грозно приказывать читать книгу. Данила началъ отговариваться незнаемъ грамоты, но «паничъ» все-таки принудилъ его взяться за книгу. Данила сталъ бѣгло читать по ней. Книга содержала въ себѣ сказанія, какъ творить на землѣ разныя «вѣдзьмарскія» дѣла. Данила прочиталъ всю книгу, и содержаніе ея до того врѣзалось ему въ память, что онъ и теперь помнитъ,

что и какъ слѣдуетъ дѣлать. Книгу, по всей вѣроятности, Данила забрала съ собой, потому что, какъ передавали мнѣ, онъ будто бы показывалъ ее тому лицу, которому сознался относительно полученія вѣдовства. Но этого нельзя принять безъ оговорок, потому что подобныя книги, какъ мнѣ удавалось неоднократно слышать, обыкновенно кладутся на свои мѣста, и «вѣдзьмары-чернокнижники» лишь получаютъ свободный доступъ къ нимъ.

Мнѣ передавали, что на Полѣсьи старики часто обучаютъ молодыхъ людей за извѣстную плату знахарству; но насколько это справедливо, не могу утверждать.

Говоря о полученіи вѣдовства, я счптаю умѣстнымъ привести слѣдующій рассказъ, слышанный мною въ с. Никольскѣ Мин. у.; при этомъ спѣшу оговориться, что бѣлорусскъ представляетъ, будто бы звуки звѣрей и птицъ служатъ для нихъ такіе же орудіемъ обмѣна мыслей и желаній, какъ для насъ наша рѣчь.

— Быў панъ, а ў таго пана да быў парабакъ. Бывала паѣдудъ яны куды-нибудзь у дарогу, будудъ гэта спяваць пташки ў лѣси, ци зарыкая воль, ци забляе авечка, дакъ панъ кажа на парабка ўсе, кабъ стаў, и самъ слухал. Парабакъ дзивицца, на што гэта пану патребна. Пачаў ёнъ гэта циковаць. Прыѣдудъ яны, бывала, да дому, ци выѣжджаюць зъ дому, дакъ пану ўсе падаюць ъсьци нѣкую чорную полиўку. Адзінъ разъ парабакъ ўзяў ды сарбануў нѣкую ложку ложка гэтаи полиўки. Паѣхали зноў ў дарогу панъ съ парабкамъ. Уже панъ и ни гаворыць, а парабакъ абы дзѣ туды што ци шаснула, ци бразнула, дакъ заразъ становицца и слухая. Прыцикаваў гэта панъ да гаворыць да парабка: «чаго ты становисся; ласяня ты што знаешъ?» — «А вотъ добра паслухаць, какъ гэта жывѣла сама съ сабою гаворыць». Панъ дагадаўся, аткуль у парабка гэты розумъ ўзяўся ды пытая: «ци ня ѣў ты таё полиўки съ вужовага мяса, што мнѣ заўсюды падаюць?» — «Але паночку», адказвая яму парабакъ. — «Палядзімъ». Падѣжджаюць яны трохи далей—кукуя зязюля. Панъ пытая у парабка: «скажи ты мнѣ, што яна гаворыць». Парабакъ сказаў. Далей ѣдудъ—крычыць жаўна (иволга). Знаў парабакъ адгадаў, што яна гаворыць. Съ таго часу панъ ня стаў болей ѣздзиць зъ гэтымъ парабкамъ ў дарогу.

При помощи чаръ вѣдзьмары могутъ оказать вліяніе на атмосферныя явленія, стихію, имущество чловѣка и, главнымъ обра-

зомъ, на его здоровье. Укажу на извѣстные мнѣ случаи примѣненія чаръ.

Лѣтъ пять-шесть тому назадъ рассказывали, что на лугу, во время сѣнокоса, собралась было громадная туча; всѣ ждали дождя. Вдругъ человѣкъ изъ д. Падзеригъ Слуцк. у. началъ махать руками, и туча разсѣялась.

Вблизи с. Никольска Мин. у. р. Нѣманъ образуетъ довольно значительную извилину (лукъ). Съ восточной стороны села онъ имѣетъ направленіе на юго-западъ, потомъ постепенно поворачиваетъ къ сѣверу, такъ что около с. Никольска течетъ прямо по направленію къ сѣверу. Версты 3—4 по направленію къ сѣверу отъ Никольска пролегаетъ лощина — «Гарановичаў лужокъ», тянущаяся по направленію отъ востока къ западу и упирающаяся обоими своими концами въ р. Нѣманъ. Про эту лощину существуетъ преданіе, будто бы по этому мѣсту протекала прежде р. Нѣманъ, но разъ случилось въ этомъ мѣстѣ утонуть съ бота сыну вѣдьмы; вѣдьма прокляла это мѣсто, и Нѣманъ измѣнилъ свое русло *). Иные же рассказываютъ, будто бы въ этомъ мѣстѣ протекала какая-то другая рѣка, а не Нѣманъ. Но какъ бы то ни было оба преданія единогласно утверждаютъ, что по этой лощинѣ протекала рѣка, и что она прекратила свое существованіе именно чрезъ проклятіе вѣдьмы. Одинъ проѣзжіи «русскій» (т.-е. великороссъ) будто бы объяснялъ, что вѣдьма, проклиная рѣку, заложила огромной сковородой ту дыру, чрезъ которую вода вытекала изъ-подъ земли на поверхность. Онъ обѣщаль открыть эту сковороду, если только жители с. Никольска дадутъ ему сто рублей и хорошаго коня, который нуженъ ему будетъ для того, чтобы спастись отъ воды, которая огромнымъ ключемъ хлынетъ на поверхность земли всѣдъ за открытіемъ сковороды. Конечно, никто не согласился на предложеніе этого проходимца, и сковорода осталась не открытой.

Затронувъ вопросъ о «заклятыхъ мѣстахъ», я принужденъ отклониться нѣсколько въ сторону. БѢлоруссъ твердо вѣритъ въ существованіе «лихой гадзіны». Онъ убѣжденъ, что бываютъ такія минуты въ жизни, въ которыя стоитъ только пожелать какого-либо несчастья другому человѣку, и оно непременно постиг-

*) Срв. *Antoni Kruman: Wybór poezyi, Warsz. 1896, p. 42.* *Ред.*

нетъ его. Поэтому бѣлоруссъ, начиная рассказывать какое-нибудь печальное происшествіе, обыкновенно оговаривается: «ни на гѣтумъ грунци ўспаминаючы, ни на гѣтумъ мѣсцы кажучы, ни пры васъ самыхъ, ни пры вашихъ дзѣткахъ гаворачы». Если рассказчикъ забудетъ про это, то слушатель обязательно, съ явнымъ неудовольствіемъ, напомнитъ ему объ этомъ. Даже разговоры о счастливыхъ случаяхъ жизни бѣлоруссъ начинаютъ огражденіемъ отъ «лихой гадзіны» — «ў добры часъ сказаць, и ў лихи памаўчаць». Много несчастныхъ случаевъ бѣлоруссъ приписываетъ «лихой гадзіні», и большинство «заклятыхъ» мѣстъ, фигурирующихъ въ бѣлорусскихъ сказаніяхъ, можно, пожалуй, отнести къ этому же источнику. Дабы не быть голословнымъ въ данномъ случаѣ, привожу рассказъ о происхожденіи знаменитаго оз. Свитязь.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположено оз. Свитязь, стояло село. Однажды проѣздомъ остановился въ немъ священникъ ночевать. Случилось въ это время пропасть яйцу у одной бабы, жительницы того села. Она стала страшно всѣхъ проклинять за это и, между прочимъ, сказала: «А кабъ гѣтая мѣспа затапилася?» Священникъ услышалъ въ это время голосъ: «Уѣзжай отсюда, невинная душа, чтобы и тебѣ не пришлось погибнуть вмѣстѣ со всѣми». Голосъ повторился три раза. Священникъ запрягъ свою лошадь и уѣхалъ. Отѣхавъ верстъ пять отъ села, онъ вспомнилъ, что забылъ въ той комнатѣ, гдѣ ночевалъ, требникъ. Онъ поспѣшилъ обратно, дабы захватить требникъ; но, приближаясь къ селу, онъ увидѣлъ, что вся мѣстность, на которой стояло село, была залята водой; по водѣ плавалъ столикъ, а на столикѣ лежалъ требникъ. Священникъ взялъ требникъ и уѣхалъ домой.

Иные рассказываютъ, что будто бы на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится оз. Свитязь, былъ убитъ богатый человекъ. Мотивъ убійства былъ слѣдующій. Одинъ небогатый молодой помѣщикъ влюбился въ дочь богатаго помѣщика. Дѣвушка тоже была равнодушна къ нему. Они готовы были соединиться узами брака, но этому мѣшало неравенство ихъ состояній; родители дѣвушки хотѣли видѣть дочь свою въ замужествѣ за богатымъ человекомъ и, конечно, могли воспрепятствовать этому браку. Чтобы устранить это препятствіе, дѣвушка предложила своему обожателю убить какого-нибудь богача, обобрать его на чистоту и такимъ образомъ разбогатѣть. Молодой человекъ въ точности исполнилъ со-

вѣтъ дѣвушки. Послѣ этого молодые люди вступили въ бракъ и наслаждались счастьемъ. Замѣчательно было то, что ничто въ ихъ хозяйствѣ не пропадало. Случилось какъ-то, что изъ ихъ хозяйства пропала какая-то мелочь. Хозяинъ слишкомъ удивлялся этому и беспокоился. Въ это время послышался съ неба голосъ: «Хоть теперь отомстится моя невинная кровь!» — и въ одинъ мигъ мѣсто, на которомъ стояла усадьба помѣщика, опустилось внизъ и было залито водой. Приключеніе со священникомъ и въ этомъ рассказѣ присутствуетъ, но въ виду детальнаго его сходства съ прежде-изложеннымъ, я его опускаю здѣсь *). (Слышалъ въ м. Вселюбъ, Нов.у.).

Упомяну мимоходомъ еще про два «заклятыхъ» мѣста.

Въ д. Стародворья Нов. у. есть погребъ, сводовъ котораго невозможно пробить. Ходятъ слухи, что въ немъ находится заклятая женщина. Однажды послышался голосъ изъ этого склепа: «Позовите священника, пусть онъ отслужитъ въ этомъ склепѣ молебенъ; да накажите ему, чтобъ онъ всѣ необходимыя вещи захватилъ съ собой». Донесли объ этомъ священнику. Священникъ согласился отслужить молебенъ. Какъ только кончился молебенъ, и стали тушить свѣчи, то замѣтили, что не захватили съ собою шипцовъ для этого. Вмигъ поднялась въ склепѣ буря, и священникъ насилу могъ выбраться оттуда съ священными предметами. Кто-то изъ присутствовавшихъ тамъ принесъ церковную «завалу» и сталъ ею бить своды склепа. Какъ только пробилась небольшая дыра, «завала» съ неимоверной быстротой влетѣла въ склепъ и легла въ поперекъ дыры; въ такомъ положеніи она будто бы находится до настоящаго времени. Когда всѣ выбрались изъ склепа, то оттуда послышался страшный стонъ и голосъ: «Сидѣла я тутъ пятьсотъ годовъ и еще придется столько посидѣть». Иные говорятъ, будто бы этотъ склепъ былъ построенъ какимъ то помѣщикомъ; но такъ какъ въ немъ воздухъ былъ нездоровый, то задѣлали въ немъ входъ, чтобы никто больше не посѣщалъ его.

Въ м. Городищѣ Нов. у. есть дыра, ведущая въ громадную яму. Если бросить въ эту дыру камень, то оттуда слышится глухой звонъ. Рассказываютъ, что одинъ разъ дѣти, собравшись гурьбой, стали бросать въ эту дыру камни. Вдругъ какой-то

*) Для полноты срв. балладу Мицкевича „Switez“; см. статью объ оз. Свитазъ въ „Мин. Лис.“, 1892, № 55; Вил. Вѣстн. 1860, № 41. *Ред.*

сверхъестественной силой камни стали выбрасываться назадъ. Дѣти испугались и разбѣжались. (Слышалъ въ м. Вселюбъ Нов. у.).

Продолжаю сказанія о примѣненіи чаръ.

— Жыў сабѣ чалавѣкъ уже стары. Были у яго сынѣ, уже жанатыя. Гэты чалавѣкъ да вельми упадабаў сваю малодшую нявѣстку. А быў ёнъ самъ вѣдзьмаръ. Вотъ разъ сказаў ёнъ, кабъ прыбрали столъ и поставили тамъ усялякаа яды. Посья самъ уже гэты чалавѣкъ разаслаў палатно па хаці адъ самаа каморы да стала, а самъ пашоў ў камору. Заразъ съ каморы выпаўзъ за имъ вужъ и стаў паўсьци ажъ на столъ. Тутъ яго патрактывали, и чалавѣкъ ўзяў яго ды вынясъ у камору. Пярадъ Купаломъ нѣшта захварѣў гэты вѣдзьмаръ. Пакликаў ёнъ малодшую нявѣстку и гаворыць ёй: «Вѣдаяшь што, мая милая, сходзишь ты заўтра да сонца на полѣ и заломишь у каждаяа гаспадара на коласу». Разказаў ёнъ ёй, якъ гэта рабиць и што пры гэтумъ трѣба гаварыць. Назаўтра пашла нявѣстка да сьвѣту на полѣ ды думая: на што гэта мнѣ ламаць каласэ? може за гэта будзя мнѣ грѣхъ; заламлю я лѣпнай малады дубъ. Узяла гэта яна ды зрабила, якъ думала. Нядзѣль нѣкуольки прашло съ таѣ пары, ды ўсхадзилася вельми вяликая бора. Стала вельми грукацѣць усюды. Вѣдзьмаръ думаў, што зъ нячеўку можа нявѣстка заламала па нѣкуольки каласоў. Пашоў гэта ёнъ на дворъ посьяа ночи, адножъ бачыць, што ўвесь дворъ завалила дубнякомъ и старымъ и маладымъ. Дагадаўся тагда вѣдзьмаръ, што гэта за дзива, и бусльшь уже ня пасылаў нявѣстки заломваць каласэ. (Вселюбъ).

— Пашоў адзинъ чалавѣкъ раницаю да ўзыхода сонца на Купалу на поля. Бачыць ёнъ, што нѣки чалавѣкъ матая торбаю па жыци, нѣшта гаворыць и абивая расу съ каласоў. Узяў гэта и ёнъ торбу и стаў матаць па жыци ды ўсѣ гаворыць, што й той чалавѣкъ. Прышоўшы да дому, гэты чалавѣкъ ўзяў ды павѣсиў торбу ў хлявѣ. Прыгледзяўся ёнъ, што съ торбы наўпяродъ ўсе капала малако, а потымъ стала капаць кроў. Тымъ часамъ у сусѣда, надъ чымъ ёнъ жытамъ махаў торбаю, пачала сохнуць карова. Сохла яна сохла, а посьяа и саўсимъ прякулилася. Тагда изъ торбы пакинула капаць. (Никольскъ).

— Одинъ крестьянинъ изъ м. Вселюба замѣтилъ, что у его коровъ совершенно пропало молоко. Онъ поѣхалъ къ знахарю въ д. Гавье Вил. губ. Знахаръ сказалъ ему: «Тебѣ это устрои-

ла твоя сосѣдка; она всадила палець въ молоко, и отъ того оно пропало у твоихъ коровъ. Если хочешь, то я сдѣлаю такъ, что она умретъ; иначе она будетъ тебѣ постоянно вредить». Но крестьянинъ отвѣтилъ знахарю: «Нѣтъ, я не хочу этого: боюсь грѣха! Лучше ты сдѣлай такъ, чтобы та женщина пришла ко мнѣ, и чтобы я узналъ её.—«Хорошо», сказалъ знахарь: «она придетъ къ тебѣ на кутю, какъ только ты усядешься со своей семьей за вечерю, и будетъ у тебя просить одолжить что-либо. Смотри же, не давай ей ничего и хорошенько наблюдай за ней, чтобы она ни въ комнатѣ, ни на дворѣ ничего не стянула; въ противномъ случаѣ тебѣ будетъ худо». Приѣхалъ крестьянинъ домой и рассказалъ про все женѣ. Жена, подумавъ немного, сказала мужу: «Дѣйствительно, было разъ, что сосѣдка, придя къ намъ въ хату и увидя въ кувшинѣ накрытое молоко, спросила: что это у васъ? и, какъ бы невзначай, всадила въ кувшинъ средній палець». Между тѣмъ коровы этого крестьянина поправились и стали давать молока по прежнему. Вотъ пришла и кутя. Только что сѣлъ крестьянинъ за столъ, входитъ къ нему сосѣдка и проситъ его привезть ей дровъ. Потомъ, немного погодя, она стала просить у него одолжить ей два рубля денегъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что у ней вышелъ весь кормъ для коровы и нужно купить. Тогда крестьянинъ смекнулъ, что эта сосѣдка и есть та вѣдьма, что отняла у его коровъ молоко; поэтому онъ «выговорилъ» ей за это и хорошенько ее выдралъ.

— Привезъ адзинъ чалавѣкъ свою жонку къ вѣдзьмару ў Рымаше (д. Слуцк. у.) и застаў тамъ у яго чалавѣка. Чалавѣкъ гѣты казаў, што яму пастаянна нѣшта звониць ў вушшу. Вѣдзьмаръ стаў загаворваць яму, дакъ нима вѣдама адекулъ зьявилася нѣкая жонка *) и пачала каля таго чалавѣка курчыцца и кидатца; самъ вѣдзьмаръ навятъ спалохаўся, мусиць и яму гѣта было за навпну. Икъ кончыў вѣдзьмаръ шаптаць, дакъ гѣтая жонка изноў нима вѣдама куды дзѣлася; а чалавѣкъ той стаў сусимъ здаровы. (Нявольскъ).

— Жаниўся адзинъ салдатъ. А быў у томъ сялѣ вялики вѣдзьмаръ; ўсѣ яго кликали на вяселлѣ: баялися вельми, кабъ ёнъ ни-

*) Что собою представляетъ эта женщина—вѣдьму или болѣзнь, трудно рѣшить.

чога кепскага ни зрабиў. Сватъ стаў гаварыць салдату, кабъ и ёнъ пакликаў вѣдзьмара гэтага на вяселлѣ. А салдатъ адказаў яму: «да на што яво зваць, будзець зъ насъ и безъ яво людзей досыць». А салдатъ да быў ище лѣпшы вухарь, якъ той вѣдзьмаръ. У нядзѣлю адбыли усе у маладой и паѣхали да маладога. Вѣдзьмаръ якъ разъ на той часъ сядзѣў ў вакнѣ, мусиць пильнаваў ёнъ ихъ, ци што? Вотъ ёнъ якъ зрабиў, дакъ ўся дружба и пабѣгла воўколаками. Салдатъ махнуў бѣлинькаю хустачкаю, дакъ ўсѣ зноў парабилися людзьми, а вѣдзьмару таму зрабиў, што у яго на галавѣ вырасли роги, а ср... ўспухла якъ бярвино, дакъ ёнъ ни могъ ни туды, ни сюды вылясьци. На вяселли пачали прасиць салдата, кабъ ёнъ адрабиў яму. Салдатъ сказаў: «а што жъ, няхай уже прыдзя пагуляя зъ нами»,—и зрабиў такъ, што ср... у вѣдзьмара оттухла, а зъ галавы роги злѣзлы, тубѣлки на ихъ мѣсцы асталися доўгія кишки. Прышоў вѣдзьмаръ на вяселлѣ ды кажа да маладога: «выпьямъ уже мы съ табою на миръ», ды налиў чарку гарѣлки и зрабиў такъ, кабъ у маладога ўсѣ да аднаго зубы выпали. Малады выпиў гарѣлку, дакъ зубы у яго и павыпадвали. Енъ гэта усадзиў ихъ на мѣста и налиў чарку гарѣлки вѣдзьмару. Вѣдзьмаръ икъ выпиў тую гарѣлку, дакъ заразъ у яго вочы и павыпирала наверхъ. (Вселяубъ).

Нѣчто подобное рассказываютъ и въ с. Никольскѣ.

— Въ одной корчмѣ выпивали двое знахарей и стали пробовать свою силу. Одинъ изъ нихъ, предлагая другому выпить, сдѣлалъ такъ, чтобы у того сейчасъ же выпали всѣ зубы. Тотъ, конечно, ничего не подозревая, выпилъ залпомъ,—зубы сейчасъ же и выпали. Тогда потерпѣвшій знахарь попросилъ еще водки. Ему подали. Онъ налилъ въ рюмку, выплюнулъ туда свои зубы и выпилъ вдругорядъ,—зубы стали на своемъ мѣстѣ. «Это, братъ, ничего», сказалъ тогда этотъ знахарь: «вотъ лучше возьми-ка ты выпей!»—и подалъ своему товарищу полно налитой стаканъ. Лишь только тотъ опрокинулъ его въ ротъ, какъ сейчасъ выскочили у него изъ орбитъ глаза и задержались только на нервѣ.

— Въ д. Полонной (Пов у.) соплись два стырники *). Подвыпили они хорошенько и стали хвастаться другъ предъ другомъ своими знаніями. На столѣ лежалъ сыръ. Одинъ изъ нихъ взялъ

*) Лоцманы на ботахъ. (Польск. sterować—направлять).

кусочекъ сыру и говорить: «я сдѣлаю этотъ сыръ чернымъ», — дунуть на него, и сыръ дѣйствительно сдѣлался чернѣй угля. Другой тоже взялъ кусочекъ сыру и также сдѣлалъ его чернымъ; а потомъ говорить: «это еще не диво; вотъ ты сдѣлай такъ, чтобы этотъ сыръ изъ чернаго обратился опять въ бѣлый», — и самъ обратно дунуть на сыръ, и дѣйствительно сдѣлалъ его бѣлымъ. Первый же «стырникъ» отказался сдѣлать это. Тогда товарищъ повалилъ его на землю и сталъ страшно бить его, приговаривая: «А, такъ ты только наводишь порчу на людей, а отогнать ее не умѣешь! Намъ Богъ позволилъ только «поздѣкваца зъ людзой», а не до смерти ихъ мучить». Кровь ручьемъ полилась изъ этого знахаря; самъ же знахарь испускалъ дикіе стоны и упрашивалъ товарища отпустить; но товарищъ говорилъ ему, что не отпустить его до тѣхъ поръ, пока онъ не поклянется ему, что больше не будетъ заниматься знахарствомъ. На крикъ прибѣжала шинкарька и начала также упрашивать знахаря, отпустить своего товарища, и указала при этомъ на обиліе крови, излившейся изъ него; но знахарь отвѣтилъ ей на это, что только пустая кровь вылилась, а добрая осталась, — и все-таки принудилъ своего товарища поклясться въ отреченіи отъ дальнѣйшаго занятія знахарствомъ. (Вселюбъ).

— На Пасху, когда мы еще жили въ Новогрудкѣ (разсказывала мнѣ одна женщина), пришла ко мнѣ нищая. По городу въ это время особенно много нищихъ шатается, но я какъ-то примѣтила, что эта женщина зашла ко мнѣ уже во второй разъ, и поэтому спросила ее: «должно быть для тебя нѣтъ больше домовъ, кромѣ нашего, что ты второй разъ пришла?» — и хорошенько выругала ее. Она повернулась къ двери и говорить: «Будешь же ты хотѣть, чтобы я пришла къ тебѣ, но я не пойду!» и ушла съ этими словами. Я усмѣхнулась на ея угрозы и еще больше стала ругать ее. На третій день въ то самое время, когда я выгнала эту нищенку, начала сильно болѣть моя голова; мнѣ представлялись разные ужасы, въ родѣ разбоя, пожара и т. п. Какъ полоумная, бѣгала я по комнатѣ, хватала разные предметы и бросала ихъ куда попало. Мужъ мой ужасно беспокоился и думалъ, что я сошла съ ума. Сколько ни призывалъ онъ докторовъ, ни одинъ изъ нихъ не могъ оказать мнѣ помощи, такъ какъ послѣ каждаго лѣкарства мнѣ дѣлалось все хуже. Положеніе мое было

самое отчаянное. Главное, съ утра я чувствовала себя вполне здоровою, но какъ только приближается урочный часъ, со мной дѣлался припадокъ, и притомъ съ каждымъ разомъ все сильнѣе и сильнѣе. Присовѣтовали моему мужу пригласить знахаря Данилу изъ окрестностей Новогрудка. Дослышалась я объ этомъ и настояла. Пригласилъ мой мужъ Данилу. Онъ заѣхалъ въ трактиръ и далъ мнѣ знать. Я поспѣшила къ нему. Какъ только вошла я въ комнату, онъ сталъ рассказывать мнѣ, какъ случилось мое несчастіе и, между прочимъ, упомянулъ, что нищая сдѣлала мнѣ такъ, чтобы мужъ на слѣдующую Пасху вмѣсто пасхальнаго стола поставилъ мой гробъ. Послѣ визита къ названному знахарю я стала вполне здорова.

— Покупалъ у насъ (рассказывала старая баба изъ м. Вселюба) человекъ поросенка. Во время распивки барыша я не дала ему закуски. Онъ выпилъ рюмку водки и, не проронивши ни одного слова, вышелъ изъ комнаты. Мнѣ это какъ-то бросилось въ глаза, но я все-таки ничего не сказала ему. Въ тотъ же день схватили меня какія-то боли. Я слегла въ кровать. Что день, то боль моя усиливается. Главнымъ образомъ болѣла спина. Я поѣхала въ Новогрудокъ и поставила пивки, но отъ этого боль моя еще усилилась. Такимъ образомъ я пролежала четыре недѣли въ кровати. Потомъ мнѣ посовѣтовали напитокъ «воронцу» *). Я выпила полтора стакана, и боль моя сразу пропала».

Отношенія людей также подвластны чародѣйству. Здѣсь главнымъ образомъ имѣются въ виду отношенія любовнаго характера; всѣ же остальные не настолько излюблены чародѣйствомъ, и про практическое примѣненіе къ нимъ чаръ мнѣ удавалось слышать лишь немного.

Для привораживанія парня къ дѣвушкѣ или же, наоборотъ, дѣвушки къ парню рекомендуется слѣдующее довольно извѣстное средство. Нужно поймать летучую мышъ и вбросить ее въ муравейникъ; черезъ нѣкоторое время отъ нея останется лишь крючекъ и вилочки. Эти вещи и имѣютъ волшебное свойство. Стоитъ только крючкомъ зацѣпить любого человекъ, и въ немъ сейчасъ вспыхнетъ пламенная любовь къ тому человекъ, который

*) Растеніе, похожее на дерезу.

сдѣлаетъ это. Для прекращенія же любви совѣтуется тронуть человѣка, одержимаго ею, вилочками.

На практикѣ, какъ приходится слышать, подвергаются очарованію отношенія мужа къ женѣ. Мнѣ удалось записать одно изъ такихъ средствъ со словъ кр. д. Тростянки, Вселюб. вол., Нов. у. Разказчикъ увѣрялъ меня, что это средство есть самое дѣйствительное и, какъ на примѣръ, указывалъ, что будто бы одинъ кр. изъ д. Кривичей, той же волости, вслѣдствіе подобной ворожбы, уже три года не живетъ со своей женой. Привожу описаніе самой ворожбы.

Нужно взять изъ той телѣги, въ которой ѣхали «молодые» къ вѣнцу, шкворень и чеку (чека должна быть непременно желѣзная) и перебросить ихъ черезъ крышу того дома, въ которомъ устроено ложе новобрачныхъ, когда они лягутъ спать. При этомъ слѣдуетъ сказать: «Якъ возъ бязъ шворна и загваздки ни паѣдзя, такъ няхай малады да маладон ни пойдзя». Шкворень обыкновенно опять засаживается въ телѣгу, а чека жжется въ кузницѣ въ горнѣ на мелкій порошокъ. Если продѣлать такую штуку, то не только «малады ни пойдзя да маладон», но и «адрабидъ» никто не будетъ въ состояніи. Въ противовѣсъ этому совѣтуется взять небольшой ножикъ (сыцизѳрыкъ) и перенести его поперекъ надъ «молодыми», когда они улягутся на брачную постель, какъ будто что разрѣзая надъ ними, а потомъ уйти отъ нихъ. Во время выхода изъ комнаты нужно ножъ держать остриемъ впередъ, самое же остріе впоследствии отломить и бросить въ кузницѣ въ горнѣ, чтобы оно тамъ перегорѣло на мелкій порошокъ. При соблюденіи всего сказаннаго никакія чары не могутъ имѣть силы.

Въ настоящее время еще живы въ с. Никольскѣ Мин. у. мужъ съ женой, не имѣющіе дѣтей. Разказываютъ, что эта женщина отказала одному жениху; его мать и сказала: «будзяшъ ж ты помницъ мѣня увесь свой вѣкъ». Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на свадьбѣ этихъ людей будто бы видѣли, какъ скалился съ крыши ихъ дома какой-то свѣтлый шарикъ.

Изъ перечисленныхъ выше случаевъ чародѣйства мы видѣли, какъ послѣдствія его, такъ равно и самые способы совершенія его. Къ этому еще нужно добавить, что водка емѣетъ широкое примѣненіе при чародѣйствѣ; напр., прежде упомянутый знахарь

изъ д. Кнотовщины, Мин. у., лѣчилъ всѣ болѣзни, нашептывая надъ водкой и предлагая ее выпить своему пациенту. Для чародѣйства также употребляются разныя травы и снадобья, секретъ которыхъ извѣстенъ одному лишь употребляющему ихъ знахарю. Знахари иногда отращиваютъ очень длинныя ногти, для того, чтобы удобно было подъ ними носить порошокъ изъ травъ, который они часто незамѣтнымъ для потребителя образомъ всыпаютъ въ пищу или питье.

Чары можно производить не только надъ тѣми предметами, которыми хотятъ принести вредъ или пользу, но и надъ тѣми, которые имѣютъ съ первыми какое-либо соприкосновеніе или отношеніе; такъ, напр., чары производятся надъ слѣдомъ человѣка: берутъ со слѣда, изъ-подъ лѣвой пяты, немного земли, скатываютъ ее въ пять шариковъ и кладутъ ихъ сохнуть въ какое-нибудь теплое мѣсто, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы такъ-же сохъ тотъ человѣкъ, со слѣда котораго взята земля. Одна «знахарка», проживающая въ д. Окинчицахъ, Столпецк. вол., Мин. у., смываетъ «переполохи» съ дѣтскихъ шапокъ и волосъ; другая «знахарка», проживающая въ м. Сверженѣ, Мин. у., дѣлаетъ заговоры надъ пучками коровьей шерсти для того, чтобы коровы, съ которыхъ взята эта шерсть, давали больше молока. Многія вещи прямо «кладуцца на чары», т.-е. для того, чтобы человѣкъ, взявшій такую вещь, подвергся извѣстному очарованію. Изъ сказаннаго можно заключить, что чары передаются черезъ разные предметы; главнымъ же образомъ передача ихъ совершается по воздуху. Но надъ чѣмъ бы ни совершенно было очарованіе, и какія бы средства при этомъ ни употреблялись, его постоянно сопровождаетъ заговоръ. Отъ чего, собственно, зависитъ очарованіе — отъ средства ли, при этомъ употребляемаго, или отъ заговора — трудно сказать; но какъ то, такъ и другое считается необходимымъ при чарованіи.

Ворожба часто производится надъ совершенно посторонними предметами; такъ, въ с. Никольскѣ, Мин. у., для открытія вора берутъ рѣшето или сито, ставятъ на раздвинутые концы ножницъ и перечисляютъ имена тѣхъ лицъ, которыхъ подозрѣваютъ въ кражѣ; если при произнесеніи какого-либо имени рѣшето придетъ въ движеніе, тотъ человѣкъ, значитъ, и виновенъ въ похищеніи вещи. Сходно съ этимъ и для этой же цѣли производится

замалываніе въ ручныхъ жерновахъ; къ сожалѣнію, частности этого способа мнѣ не извѣстны. Тутъ же слѣдуетъ упомянуть про даваніе «на звоны», на «жыдоўскую школу», про ломаніе свѣчей и лежаніе «крыжемъ»; всѣ эти способы ворожбы мнѣ приходилось наблюдать въ с. Никольскѣ, Мин. у. Если случаемъ пропадетъ у крестьянина какаѣ-либо вещь, то онъ идетъ къ церковному старостѣ и проситъ его позвонить во всѣ колокола, въ той увѣренности, что виновный въ кражѣ ея непременно умретъ, коль скоро не возвратитъ ея. Самый трезвонъ, по всей вѣроятности, имѣетъ близкое сходство съ погребальнымъ звономъ. Вѣра въ дѣйствительность приведеннаго средства дотога сильна, что часто, послѣ звона, воръ отбрасываетъ украденную вещь. Въ подобныхъ и еще въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ бѣлоруссы жертвуютъ на «жыдоўскую школу», чтобы «жыдэ выкляли» (прокляли на смерть) какого-либо человѣка, сдѣлавшаго ему большую неприятность. Съ этой же цѣлью ставится въ церкви свѣча, предварительно переломленная. Переломъ свѣчи въ данномъ случаѣ служить символомъ того, чтобы такъ случилось и съ тѣмъ человекомъ, «на кого» эта свѣча поставлена. Нѣкоторые, поставивъ свѣчу, ложатся среди церкви ницъ, распростерши руки («крыжемъ»), и лежатъ такъ въ продолженіе церковной службы, моля Господа объ исполненіи ихъ замысловъ. Въ м. Вселюбѣ, Нов. у., когда ставятъ свѣчу за спасеніе себя, то обводятъ ея вокругъ головы «по сонцу» три раза.

Скажу здѣсь, кстати, про «заломы», или «завитки». Заломы производятся во ржи и пшеницѣ, когда онѣ станутъ наливать, что совпадаетъ съ Купалою; заломанную пшеницу обыкновенно перевязываютъ красной шелковой лентой или ниточкой. Формы залама бываютъ разнообразныя; по преимуществу мнѣ приходилось видѣть заломы такой формы: четыре приблизительно равныхъ пучка соломы, взятыхъ накрестъ, переломаны на корню около нижнихъ междоузлій; верхи переломанной соломы наклонены вверху къ срединѣ и завиты. Цѣль заломовъ — повредить самому хозяину или его имуществу; по всей вѣроятности, форма залама тутъ играетъ маловажную роль; главный же центръ тяжести падаетъ на заговоръ, произносимый при производствѣ залама. Во время жатвы жнецы хорошенько присматриваются, чтобы не зацѣпить залама, а не то, чтобы ужъ сжать его, потому что, при подоб-

ной только предосторожности, заломъ не можетъ возымѣть своего дѣйствія. Иные крестьяне совѣтуютъ, кромѣ этого, вырывать заломъ съ молитвой (самое лучшее, съ заговоромъ, если кто знаетъ) и сжигать его подъ дырявымъ горшкомъ на полѣ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ произведенъ.

Привожу два разсказа, слышанныхъ мною относительно «заломовъ».

— Пасьвили два хлопчыки быдла. Адзинъ зъ ихъ стаў ламаць жыта ды гаворыць: «ламлю заломы!» А други пытая: «на што?» — «Кабъ падохли паповы каровы». Узяли гэта у папа каровы и падыхали (Никольскъ).

— Злавили аднаго хлопчыка, ломячы заломы. Стали у яго распытвацца: «На што ты ламаў заломы?» — «А я ни вѣдаю, на што ихъ ломяць», адказаў хлопяць: «туболька бачыў, што гэтакъ робиць мой дзядзька, дакъ и я рабиў». — «Што-жъ ты гаварыў?» — «А тоя, што гаворыць мой дзядзька: ўнизъ каласэ — на яго валэ; каласэ ў землю — на яго смью» (Вселюбъ).

III.

Со знахарствомъ тѣсно сязывается народная медицина. Лѣченіе болѣзней, полученныхъ чрезъ очарованіе, доступно лишь вѣдъмарству; но болѣзни, происшедшія отъ другихъ причинъ, лѣчатся и простыми знахарями. Есть болѣзни, за лѣченіемъ которыхъ крестьяне никогда не обращаются къ фельдшеру или доктору, считая ихъ бессильными относительно этихъ болѣзней — «ня вѣдаюць, што зрабиць и якоя лярство даць». Къ такимъ болѣзнямъ принадлежатъ колтунъ, «ружа», «уразъ», «грызь», «переполохъ», вывихъ, укушеніе змѣей и бѣшеной собакой и отчасти зубная боль и лихорадка; остановка крови подвѣдомственна тоже знахарству.

Скажу нѣсколько словъ относительно этихъ болѣзней и ихъ лѣченія.

Колтунъ. О происхожденіи колтупа мнѣ не удалось ничего слышать. Какъ только онъ появится у кого-нибудь на головѣ, то этотъ челоуѣкъ обыкновенно не расчесываетъ и не остригаетъ сплетшихся волосъ, чтобы подобнымъ дѣйствіемъ не раздражить

колтуна, такъ какъ это раздраженіе можетъ навлечь дурныя послѣдствія, напр., слѣпоту или что-либо др. БѢлоруссы, страдающій часто болью головы, прибѣгаетъ часто къ выливанію олова для опредѣленія своей болѣзни: если растопленное олово, впущенное въ воду, образуетъ фигуру со многими неправильными извилинами, то это вѣрный признакъ, что колтунъ ищетъ себѣ выхода на поверхность головы, и расчесывать волосы въ данномъ случаѣ строго воспрещается. Совѣтуется обыкновенно не трогать колтуна до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не отпадетъ; одинъ только «вѣдзьмаръ» можетъ состричь колтунъ ранѣе этого срока.

«Ружа» лѣчится большою частью при помощи заговора. Заговоры эти очень разнообразны, и многія лица знаютъ ихъ. Заговаривается «ружа» два раза въ день: утромъ, предъ восходомъ солнца, и вечеромъ, какъ только солнце зайдетъ. Говорятъ, что «ружу» можно заговаривать лишь въ томъ случаѣ, когда заговаривающій будетъ имѣть болѣе сильную волю, чѣмъ пациентъ. Привожу одинъ польскій заговоръ противъ ружи, записанный мною. «Святою крѣйдою» (мѣломъ, освященнымъ 6 янв. на uroczyście Trzech Króli) кладется крестъ на больномъ мѣстѣ и говорится: «W imię Pana Naszego Jezusa Nazarańskiego zaklinam cię rōża, uspokój cię»; потомъ читается Zdrowaś Marya,—и все это повторяется три раза *). Кромѣ заговоровъ, ружу еще лѣчатъ, прикладывая къ больному мѣсту тонкую ржаную муку, легкимъ слоємъ посыпанную на полотно или же (что считается лучшимъ) на оберточную синюю бумагу; муку эту иные совѣтуютъ смѣшивать съ яйцомъ, а другіе прикладываютъ одну безъ примѣсей. Прикладываютъ также еще и кору бѣлой сирени, обращая внутреннюю часть къ больному мѣсту.

Противъ «ураза» выливаютъ олово и «кидаюць на животъ шклянку».

«Грызъ» можно заговаривать и выгрызать. Выгрызаньемъ его занимаются знахари, но, кажется, это можетъ еще сдѣлать единственный сынъ у отца.

*) Подобный заговоръ отъ рожи сообщила намъ г-жа Мос—ва изъ Черниг. губ. на вѣмецк. яз.: „Rose, ich beschwöre dich im Namen Gottes des Vaters, des Sohns und des Heiligen Geistes. Amen“. Этотъ заговоръ не могутъ передавать другъ другу лица одного пола, иначе онъ потеряетъ силу. Отъ рожи также прикладываютъ лягушечью икру (Сѣдлецк. губ.). Ред.

Чтобы отогнать *переполохъ*, катаютъ яйцо по тѣлу человѣка, одержимаго имъ, главнымъ образомъ по желудку, въ надеждѣ яйцомъ выбрать переполохъ; во время катанія яйца произносится особый заговоръ. Послѣ этого вливается въ какой-либо сосудъ вода, яйцо разбивается, и желтокъ изъ него выпускается въ воду. Смотри по тѣмъ фигурамъ, какія приметъ въ водѣ жидкій желтокъ, опредѣляютъ, чего больной испугался. Практикуется также смываніе переполоха: смываніе производится надъ самимъ испугавшимся или надъ клочкомъ его волосъ, или же, наконецъ, надъ какой-либо его одеждой. Противъ переполоха употребляется выливаніе олова. При этомъ растопленное олово выливается въ миску съ водой надъ головой больного. Если при выливаніи олова послышится громкій рѣзкій звукъ, то это означаетъ, что больной выздоровѣетъ. Если человѣкъ нечаянно попадетъ въ воду и сильно испугается, то для предупрежденія дурныхъ послѣдствій переполоха совѣтуется выжать изъ намочшей одежды воды на руку и выпить ее. Существуетъ обычай испугавшагося собаки, лошади и др. животныхъ окуривать шерстью, выстриженною съ того животнаго, которое причинило испугъ; выстрижки волосъ даже не избѣгаютъ и человѣкъ. Противъ переполоха окуриваютъ еще «треяголтнею грацкаю саломая», которая считается «памоцнаю» и въ другихъ случаяхъ.

Въ лѣченіи *вывиха* обращаетъ на себя вниманіе навязываніе «навязки». На мѣстѣ вывиха, послѣ вправки кости, привязывается 27 междоузлій ржаной соломы, заверченныхъ въ тряпку; это и есть «навязка». Междоузлія берутся изъ 9 соломинокъ, имѣющихъ ихъ по три. При повязываніи «навязки» говорится какая-либо молитва. «Навязка» носится до тѣхъ поръ, пока вывихъ не перестанетъ болѣть. Между прочимъ, упомяну, что «навязки» разнаго сорта въ большомъ ходу въ Бѣлоруссіи; такъ, красная нитка, повязанная на рукѣ, служитъ предохранительнымъ талисманомъ; съ этою же цѣлью повязывается на пальцахъ «сыровая» (небѣленая) нитка; при нѣкоторыхъ болѣзняхъ больного подпоясываютъ шелковой лентой; ношеніе на шеѣ зубовъ мертвеца предохраняетъ отъ зубной боли, желѣзнаго кольца — отъ лихорадки, золота — отъ желтухи, «дѣгиля» — отъ холеры; красная лента (жѣчка), повязанная на жеребенка, предохраняетъ его отъ порчи глаза. Если вывихъ большой, то это мѣсто забинтовывается въ

лубки (увязваяцца у лящотки), и къ нему прикладывають припарку изъ растенія «скочки». Костоправами обыкновенно бывають знахари.

Противъ укушенія змѣй наиболее дѣйствительнымъ средствомъ признается заговоръ. Привожу одинъ изъ такихъ заговоровъ, записанный въ м. Вселюбъ, Нов. у.:

Прышла змяя	Панъ Езусъ жыве
Да майго кія	И истносьць яго.
И укусила яго;	А я тую змяю
А у томъ кіи	На сибѣ бяру.

Збирайся да мене гадзины—
Падрубная, паддубная... *)
Каторы укусиў,
Кабъ той самъ ня жыў!

Слонцу незахадзімаму,
Мѣсяцу сьвяцімаму,
Морю сіняму.
А на томъ моры камянь ляжыць,
На камяни трыдзявць дзявиць сядзиць;
Яны на ўсѣмъ сьвѣци страдали,
Усімъ людзямъ дапамагали—
Дапамажэца и мяѣ!

Проговоривши этотъ заговоръ, слѣдуетъ растереть соли, посыпать на хлѣбъ и дать съѣсть ужаленному змѣей.

Бѣлоруссъ убѣжденъ, что змѣя, ужаливъ человека, тотчасъ спѣшитъ напиться воды; если при этомъ ужаленный человекъ скорѣе, чѣмъ змѣя; добѣжитъ до воды и обмоетъ рану, а также напьется, то не только укушеніе пройдетъ безслѣдно, но и ужалившая змѣя должна непременно издохнуть. Особенно вреднымъ считается укушеніе «насланби» змѣи, т.-е. присланной для этого какихъ-либо знахаремъ. По понятію бѣлорусса, есть много людей, которые могутъ по своему желанію созывать змѣй къ себѣ, посылать ихъ жалить людей и наказывать за самовольное жаленіе.

*) Тутъ слѣдуетъ перечисленіе всѣхъ змѣй; къ несчастію, лицо, передававшее мнѣ заговоръ, забыло эту важную часть.

Отъ укушенія *вишеной собакой* даютъ хлѣбъ, собранный съ девяти хать, со святою солью; въ предупрежденіе заболѣванія бѣшенствомъ собакъ, нѣкоторые бѣлоруссы даютъ имъ хлѣбъ, освященный на Пасху, хотя это и считается большимъ грѣхомъ.

По представленію бѣлорусса, *зубы болятъ* у человѣка отъ того, что ихъ грызетъ небольшой бѣленькій червячекъ съ черною головкой. Чтобы выгнать его оттуда, запариваютъ бѣлену (воуцы макъ) въ чашкѣ горячей воды, и страдающій зубной болью долженъ стать надъ этой чашкой, накрыть сверху чѣмъ-либо свою голову и вдыхать испаренія; червячки весьма не любятъ этихъ испареній, и всѣ попадаютъ въ чашку. Противъ зубной боли употребляютъ еще слѣдующій заговоръ:

Пытая малады у старога:
 Ци баляць зубы у няжывога?
 Стары гаворыць: нѣ!
 Няхай ня баляць мяѣ!

Произнесши единымъ духомъ этотъ заговоръ три раза, слѣдуетъ изъ-подъ правой пяты взять песку и приложить его на ночь къ той щекѣ, съ которой стороны болятъ зубы. Заговаривать такимъ образомъ зубную боль можно только «*ў маладзійкѣ*». (Вселюбъ).

Когда зубы выкрашиваются, то бѣлоруссы видятъ въ этомъ прямое слѣдствіе небрежнаго обращенія съ вишней, рябиной, «*крушынаю*», или калиною; поэтому, для избавленія отъ этой болѣзни, совѣтуется присягнуть предъ которымъ-нибудь изъ названныхъ деревьевъ. Присяга совершается «*ў маладзійкѣ*», утромъ, до восхода солнца. При этомъ нужно становиться на колѣни и говорить: «Присягаю табѣ, крушынка (вярабинка, вишанька, калинка), што вѣкъ цибе ня буду ни крышыць, ни ламаць». Это повторяется три раза; за каждымъ разомъ нужно поклониться дереву и поцѣловать его.

Лихорадка (фѣбра, фыбра, хвэбра, трасца) очень упорная болѣзнь и особенно трудно поддается она лѣченію въ крестьянской средѣ, гдѣ не соблюдается никакая діета. Крестьяне говорятъ: «уже кали хвэбра вѣйдзя ў косьци, ту яé трудна выгнаць». Поэтому для лѣченія этой болѣзни у крестьянскихъ ворожей существуетъ много различныхъ средствъ. Иные совѣтуютъ потворствовать всѣмъ прихотямъ больного лихорадкой; другіе, наобо-

ротъ, считаютъ за лучшее всѣ желанія больного, за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ, оставлять безъ удовлетворенія. Въ обоихъ случаяхъ признается, что желанія больного не его собственныя, а исходятъ отъ болѣзни, и оба лѣченія имѣютъ одну исходную точку — представленіе лихорадки, какъ и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней, въ человѣческомъ образѣ. Для изгнанія лихорадки часто пугаютъ больного, стараюсь вмѣстѣ съ тѣмъ испугать лихорадку, дабы она оставила его. Чѣмъ больше испугается больной, тѣмъ считается лучше; бывали даже случаи смертельныхъ переполоховъ. Упомяну про отбрасываніе лихорадки. Рано утромъ, до восхода солнца, больной лихорадкой идетъ съ яйцомъ на перекрестокъ дорогъ и оставляетъ тамъ яйцо, стараясь при этомъ, чтобы никто не догадался про его дѣло. Сдѣлавъ это, больной слѣзаетъ домой, боясь оглянуться назадъ, чтобы болѣзнь обратно къ нему не пристала. Иные совѣтуютъ отбрасывать яйцо не на перекрестокъ, а куда-нибудь въ болото «падъ азярыну». Отброшеннаго съ подобною цѣлью яйца никогда не слѣдуетъ брать, иначе къ смѣльчаку непременно пристанетъ лихорадка; поэтому весною, въ сезонъ лихорадки въ деревнѣ, часто приходится на перекресткахъ дорогъ видѣть яйца. Кромѣ того, лѣчатъ лихорадку при посредствѣ заговоровъ и различныхъ снадобій, на которыя особенно изобрѣтательны бываютъ деревенскія «знахорки». Совѣтуется также, какъ вполне радикальное средство, послѣ того, какъ перестанетъ лихорадка трясти человѣка, закрыть всѣ окна въ домѣ, заколотить, хоть для формы, двери, приклеить вездѣ таблички съ надписью: «его нѣтъ дома, уѣхалъ», и оставить такъ приблизительно на недѣлю. Лихорадка походить по двору, посмотритъ на таблички и уйдетъ, оставивъ въ покоѣ больного. Мнѣ указывали на нѣсколько случаевъ излѣченія подобнымъ образомъ лихорадки.

«*Воникъ*» — нѣчто въ родѣ лишая у дѣтей на подбородкѣ. Онъ появляется, по повѣрью бѣлорусса, у тѣхъ дѣтей, которыя позволяютъ себѣ плевать на огонь. Болѣзнь эту лѣчатъ такъ: больной высаживаетъ голову черезъ окно, кто-нибудь изъ домашнихъ изъ хаты обводитъ вокругъ его головы горящими углями и отбрасываетъ ихъ на улицу.

Отъ «*дзѣцинца*» ребенка, когда тотъ очень раскритится, протаскиваютъ черезъ хомутъ.

*Кровь останавливаютъ въ ранѣ при помощи заговоровъ. При-
вожу заговоръ, записанный мною въ м. Вселюбѣ.*

Стань кроў ў рани,
Якъ Паянъ Езусъ ў Ёрдани.
У Ёрдани вада ни рушылася,—
Кабъ кроў ў рани астанавилася.

Заговоръ этотъ произносится три раза. Послѣ перваго произнесения его говорится «Anioł Pański» и «Zdrowaś Marya»; послѣ второго—«Oto ja Służebnica» и «Zdrowaś Marya»; послѣ третьяго—«A Słowo Stało się Ciałem», и «Zdrowaś Marya» и наконецъ «Wieczny rokój!...

Чтобы покончить съ болѣзнями, скажу нѣсколько словъ про холеру.

Холера, какъ болѣзнь въ высшей степени заразительная и скоротечная, особенно страшна бѣлоруссу по своимъ послѣдствіямъ. Промежуточное посѣщеніе ею Бѣлоруссии глубоко врѣзалось въ память обитателямъ ея. Проклиная кого-нибудь, бѣлоруссъ говоритъ: «Кабъ цибе халера задушыла!» Въ видѣ брани произносятся: «Халера ты тридцатаго году!» Уже изъ этого одного можно заключить, насколько бѣлоруссъ считаетъ непріятной гостьей для себя холеру. Поэтому, немудрено, что онъ придумалъ средства избавиться отъ посѣщенія ея; и тѣмъ легче было ему придумать ихъ, что онъ представляетъ, какъ мы ниже увидимъ, холеру въ человѣческомъ образѣ и съ человѣческими слабостями.

Прежде всего нужно принять предохранительныя мѣры. Для этого собираются бабы и подростки дѣвочки почти со всего села къ кому-нибудь изъ крестьянъ въ избу съ прялками и куделью. Тутъ, при пѣніи святыхъ пѣсенъ, оии стараются напрясть за ночь нитокъ и выткать изъ нихъ полотно. Утромъ, до солнечнаго восхода, выносятся это полотно на улицу, или даже за село, и тамъ сожигается. Всѣ жители поголовно должны «акурыцца гѣтымъ дымамъ» — постоять нѣсколько времени въ дыму отъ полотна. Когда полотно сгоритъ, да и раньше этого, подбрасываютъ въ огонь лошадиный навозъ и корни «дзягиля»; эти корни въ холерное время совѣтуется носить въ ладонкѣ въ качествѣ предохранительнаго талисмана; а также на нихъ настаиваютъ водку, и эта водка служить однимъ изъ важнѣйшихъ противухолерныхъ лѣкарствъ.

О важности этой настойки можно судить по слѣдующему разска-
зу, слышанному мною прошлый годъ въ с. Никольскѣ Мин. у.

— Икъ была даўнѣй халера, дакъ вельми стали пиць гарѣлку зъ дзягилямъ. Вотъ халера пабачыла, што ёй уже ни можна людзей душыць, дакъ усё ходзиць па вёскахъ ды гаворыць: «Тыць-мыць! ¹⁾ Навучылися зъ дзягилямъ гарѣлачку пиць».

Для защиты отъ холеры ставятъ кресты при вѣздахъ въ село; такой крестъ былъ поставленъ въ прошломъ году въ с. Никольскѣ Мин. у.; въ м. Вселюбѣ Нов. у. еще понынѣ на базарной площадкѣ стоитъ крестъ, который былъ поставленъ съ этой цѣлью въ 60-хъ гг.

Въ особенности нельзя говорить и вспоминать про холеру въ холерное время. БѢлоруссы говорятъ: «хваробу ня треба кликаць, —сама прыдзя», да и вообще онъ неодобрительно смотритъ на всякія заочныя воспоминаія, тѣмъ болѣе, что они вызываютъ иканье, что неособенно пріятно, и бѢлоруссы при всякомъ иканьи не замедлятъ сказать: «Кабъ яму (тому лицу, которое про него вспоминаетъ) гэтакъ икалася на томъ сьвѣци». Поэтому бѢлоруссы увѣренъ, что и холера не любитъ, если кто про нее вспоминаетъ. Любопытный въ этомъ отношеніи разсказъ мнѣ удалось слышать въ прошломъ году въ с. Никольскѣ.

— Ъхаў салдаты. Сустрачая яго нѣкая жонка и гаворыць: «Ты мне не спужаўся?» — «Нѣ!» кажа салдаты: «чаго-жъ мнѣ и палѡхацца, кали пры мнѣ есьць ружѣ съ пикаю». — «Ну дакъ злазь съ каня!» Салдаты злѣзь. «Паглядзи мнѣ цяразъ лѣвая плячо». Салдаты стаў глядзѣць. — «Што бачышь?» — «Бачу урѡжай вялики». — «Добра! Паглядзи циперь цяразъ правая плячо». Салдаты зноў стаў глядзѣць. «Ну што бачышь?» — «Я сусимъ злѣкса (испугался): вельми многа бачу трупоў». — «Вотъ вѣдаешъ што, я — холера! Ъдзъ жа ты ў гѣтую вёску и скажы, кабъ-буольшъ мне ня ўспаминали, бу ўсѣ яны паўмираюць». Салдаты гэта паѣхаў ў вёску и расказаў людзямъ ўсё. Людзи ни паслухали яго и за тоя ўсѣ паўмирили ²⁾.

Насколько важны для борьбы съ холерой указанная предохранительныя мѣры, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа, слышаннаго мною въ томъ же селѣ въ прошломъ году.

¹⁾ Тянулся и навадь, ни съ чѣмъ воротился.

²⁾ Срав. „Этногр. Обзор.“, XVIII, указатель (холера).

— У адно сяло прышла жонка и гаворыць: «Циперъ вы вельми разумныя стали: панарывали дзягилю, палыну панабірали газы, дегтю, мяѣ навятъ нельга и зайци къ вамъ. Дайця мяѣ лапци и анучы, и я пайду адъ васъ». А гэта была халера. Людзи съ тае вѣски дагадалися, дали ёй новыя лапци и бѣлыя анучы, и яна пашла сабѣ.

Въ заключеніе о холерѣ привожу разсказъ, записанный мною въ м. Вселюбѣ.

— Ъхаў адзинъ чалавѣкъ да дому. У лѣси нагнаў ёнъ нѣкаго другога чалавѣка. Адзѣты гѣты чалавѣкъ быў, якъ панъ. Пачаў ёнъ прасицца на возъ. Гаспадаръ, вядома, кажа: садзися! У дарози яны разгаварылися. Дакъ той чалавѣкъ, што йшоў, пытая у гаспадара: «А вѣдаяшъ, каго ты вязешъ?» — «А хто цибе вѣдая, хто ты такі», адказвал яму гаспадаръ. «Я — халера». Спужаўся гѣты гаспадаръ, але прывѣзъ такі халеру къ сабѣ да хаты. Павячeralи навятъ разамъ халера зъ гаспадаромъ. Па вчеры пашла халера спаць ў адрынку. У ночы мужыкъ прызнаўся жонцы, што ёнъ прывѣзъ ў вѣску халеру. Жонка стала на яго крычаць, на што вѣзъ; а посьля настала таки на яго, кабъ ёнъ пашоў ды забиў халеру. Мужыкъ гэта раздумаўся, ўзяў тапоръ и пашоў ў адрынку. Прышоў ёнъ туда, адно жъ халера спиць сабѣ выпягнуўшыся. Мужыкъ, доўга ня думаючы, скроиў ёй тапаромъ па галавѣ, дакъ яна и духу навятъ ниўказала. Тагды ёнъ стаў мацаць па кишэняхъ и нашоў тамъ пясець рублёў. Забраў гаспадаръ гѣтыя грошы, а халеру затащыў ў салому. Назаўтра ранинка пашоў гѣты мужыкъ ў карчму и кажа жыдоўцы, кабъ налила яму гарѣлки. Жыдоўка ни хацѣла яму даваць гарѣлку, бу вѣдала добра, што у гэтага гаспадара николи и ў заводзи грошай ня было. Мужыкъ дастаў гэта грошы съ кишени и паказвая жыдоўцы. Жыдоўка сумѣлася и пытая у яго: «Дзѣ жъ ты гѣтульки грошай дастаў?» — «Дай гарѣлки, дакъ скажу», адказвая гаспадаръ. Дала гэта жыдоўка мужыку выпиць, вотъ ёнъ и сазнаўся ой, якъ забиў халеру. Жыдоўка заразь данясла начальству пра гэта. Прыѣхала начальство. Абравідавали адрынку у мужыка и знайшли тамъ трупъ. Мужыкъ сазнаўся ва ўсѣмъ. Пачали равидоваць трупъ, дакъ знайшли пры ёмъ семъ тысячь грошай и цѣлы пачокъ парашкоў, што труиць воду, кабъ людзи мерли. Была ище пры ёмъ записка, што гэтакихъ людзей ходзиць па свѣдци сем-

дзясятъ. Дакъ усѣ яны гэта сами съ сабою параниску мѣли, дзѣ каторы абарачаѣцца. Вотъ ўсѣхъ гэтыхъ людзей, што труили воду и рабили халеру, палавили, дакъ цаперъ и халеры ня чуваць.

IV.

Отъ болѣзни прямой переходъ къ смерти; тѣмъ болѣе это умѣстно сдѣлать въ данномъ случаѣ что, по представленію бѣлорусса, смерть есть существо нечистое. По виду своему смерть представляетъ скелетъ. Необходимою принадлежностью смерти считается коса; однако она не служитъ орудіемъ смерти, а скорѣе только эмблемой ея. Бѣлоруссъ, говоря про смерть, характеризуетъ дѣйствіе ея словомъ «душыць», вѣроятно, представляя при этомъ, что смерть сдавливаетъ человѣку горло, отъ чего дыханіе у него останавливается и онъ умираетъ. Должно быть, смерть по этому и становится при послѣднихъ минутахъ человѣка у его изголовья. По представленію бѣлорусса, «духъ» вообще характеризуетъ смерть. «У яго саўсімъ духу нима», «ёнъ и духу свайго ни збярэ; навяць и духу ни адцягне», — говоритъ бѣлоруссъ про слабо-сильнаго человѣка.

«Душыць» смерть людей не по своему усмотрѣнію, а «каго Богъ призначыць». Поэтому смерть передъ отправленіемъ за людьми, постоянно спрашиваетъ у Бога, кого брать. Постояннымъ мѣстопребываніемъ смерти на «томъ свѣтѣ», кажется, служитъ адъ. Смерть представляется бѣлоруссу слишкомъ страшнымъ существомъ. Въ общегитіи употребляется сравненіе — «страшны, якъ смерць». Любопытный разсказъ удалось мнѣ слышать въ с. Никольскѣ Мин. у. о томъ, какъ изъ-за страха по нѣсколько разъ претерпѣвать предсмертныя мученія, люди лишились возможности воскресать — «ўставаць съ таго свѣту». Памѣръ першы чалавѣкъ Адамъ. Дзѣци яго вельми плакали па ёмъ. Богу стала жалка ихъ, и ёнъ сказаў Адаму: «Устань сабѣ и пажыви ище кўольки гадоў». Адамъ стаў прасицца у Бога, кабъ ёнъ ни послааў яго назадъ на гэты свѣтъ, бу яму вельми цяжка было умираць. Богъ ня стаў яго прымушваць, а Адамъ самъ ни захацѣў ўставаць. Вотъ цяразъ гэта другія людзи ни ўстаюць съ таго свѣту. «Съ таго свѣту ище ниhto ни вярнуўся», — говоритъ бѣлоруссъ.

Когда человѣкъ находится въ предсмертной агоніи, то запре-

щается по немъ плакать, потому что иначе онъ можетъ «збицца зъ дароги» и прострадать еще нѣсколько времени на гѣтумъ свѣци». Вообще на излишній плачь по умершемъ бѣлоруссы смотрятъ неодобрительно. Это можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа.

— Памерла у аднаé жонки дачкá. Яна па ёй вельми плакала и ёй надта хацѣлася пабачыць свас дачки. Вотъ нараили (посовѣтовали) ёй, кабъ яна на «Усѣ святаы» (1 ноября) пашла ў церкоў и стала ў прытворы. Зрабила яна гэтакъ. У самую уже поўначъ пачали ици сьмярцьвицѣ. Угледзяла на самы перадъ гѣтая жонка сваю хрыщоную матку. Хрыщоная матка сказала ёй, кабъ яна стала ў куточакъ и схавалася тамъ, бу сьмярцьвицѣ якъ углезяць, дакъ гатовы зьбѣсьци. Схавалася гѣта тая жонка ў куточакъ. Бачыць — идзе яе дачка и валаче за сабою вялики пѣбаръ слѣзъ, што выплакала маці па ёй. Замардавдалася бѣдная, ажъ рачи ¹⁾ па ёй цякуць. Стала мацяры вельми жалка яе и посьля гэтага яна прарастала плакаць. (Никольскъ).

Смерть только вводитъ душу человѣка на тотъ свѣтъ (вымáя яе съ цѣла), а тамъ, смотря по тому, сколько эта душа содѣяла грѣховъ на этомъ свѣтѣ, она поступаетъ или въ распоряженіе чертей, которые ведутъ ее въ адъ, или же въ распоряженіе ангеловъ, которые сопровождаютъ ее въ рай. Для опредѣленія степени грѣховности души, ея грѣхи и добрыя дѣла взвѣшиваются на вѣсахъ предъ лицомъ Бога. Если чертъ напередъ убѣжденъ, что душа именно будетъ принадлежать ему, напр. онъ имѣетъ записъ на эту душу, то прилетаетъ самъ за ней и сей часъ же беретъ ее у смерти, какъ только та разлучитъ ее съ тѣломъ. При насильственной смерти душа человѣка непремѣнно поступаетъ въ вѣдѣніе чертей, и они цѣлой ватагой прилетаютъ за нею; поэтому обыкновенно всѣ насильственные смерти сопровождаются бурей; то же бываетъ и при смерти «вѣдзьмара» и «вѣдзьмы». Самыя мѣста насильственной смерти бѣлоруссы считаютъ нечистыми и, по всей вѣроятности, стараясь сокрыть ихъ отъ своихъ глазъ, онъ набрасываетъ на нихъ камни, или же, если близко есть лѣсъ, то вѣтви деревьевъ. Я слышалъ, что такія мѣста находятся въ Почаповской вол. Нов. у., гдѣ повѣсился человѣкъ, и по дорогѣ изъ д. Криничной въ м. Еремичи тоже

¹⁾ Обильный потъ, какъ говорятъ „потъ градомъ катится“ (рачи—ручь?).

Нов. у; здѣсь иные говорятъ, будто бы похоронены двое заблудившихся и замерзшихъ дѣтей; другіе утверждаютъ, что это могила двухъ братьевъ, убившихъ другъ друга за дѣвушку, въ которую они оба были влюблены. На оба мѣста существуетъ обычай накладывать хворостъ, и этотъ обычай свято соблюдаютъ всѣ идущіе вблизи этихъ мѣстъ.

Слѣдуетъ тутъ отмѣтить одинъ любопытный фактъ. БѢлоруссъ вполнѣ увѣренъ, что душа утопленника непременно должна нѣкоторое время проплавать въ видѣ синей утки. Достоинъ примѣчанія также то, что вода особенно подмываетъ тотъ берегъ, на которомъ похороненъ утопленникъ (утопленниковъ хоронятъ на берегу рѣкъ); вообще вода почему-то всегда силится омыть тѣ берега, на которыхъ устроены кладбища.

Есть множество примѣтъ, по которымъ можно опредѣлить приближеніе смерти; напр., ставеть трещать натопленная печь съ лѣвой стороны, — умереть хозяйка; затрещитъ съ правой стороны, — умереть хозяйинъ; запоетъ курица пѣтухомъ, — непременно въ домѣ долженъ быть покойникъ. Для отогнанія отъ себя такой бѣды, бѢлоруссъ обыкновенно, заслышавъ пѣніе курицы, говоритъ: «спѣвай на свою голову», — и начинаетъ ею мѣрить комнату; если при этомъ на порогъ упадетъ голова, то отсѣкаетъ ей голову; если же упадетъ хвостъ, то же дѣлаютъ съ хвостомъ. Если не закроются у покойника глаза, то это вѣрный признакъ, что въ скоромъ времени умереть кто-либо изъ его односельчанъ. Брить бороду и усы у покойника тоже считается предосудительнымъ, такъ какъ черезъ это могутъ умирать люди.

Человѣкъ, умирая, не разрываетъ связи съ этимъ міромъ. Умершіе очень часто являются во снѣ живымъ и предупреждаютъ ихъ о приближеніи смерти; на «дзѣды» они всей ватагой приходятъ въ родной домъ и ужинаютъ то, что имъ оставляютъ на столѣ; на «Всѣ святыя» всѣ умершіе собираются въ ближайшую церковь или костелъ на молитву.

Мѣстопробываніемъ душъ умершихъ людей «на томъ свѣтѣ» служатъ — для грѣшныхъ адъ (пекло), а для праведныхъ рай. Адъ бѢлоруссъ представляетъ себѣ огромнѣйшимъ болотомъ, находящимся гдѣ-то далеко внизу подъ землею и водою. Въ немъ постоянно обитаютъ черти, которые занимаются мученіемъ грѣшниковъ. Смотря по роду грѣховъ, черти задаютъ душамъ грѣшни-

ковъ самыя разнообразныя муки. Самымъ обыкновеннымъ наказаніемъ считается кипѣніе въ котлѣ съ горячею смолою: сообразно важности грѣховъ черти иныхъ грѣшниковъ всаживаютъ въ котель по поясъ, другихъ по шею, а великихъ грѣшниковъ опускаютъ совсѣмъ въ котель и поверхъ ихъ еще вбрасываютъ людей; лица, носившія Szkaplegy, всаживаются въ смолу до тѣхъ мѣстъ, куда достигали при ношеніи Szkaplegy. На иныхъ грѣшникахъ черти возятъ смолу; людей, ругавшихся скверными словами, однихъ заставляютъ лизать горячія сковороды, а другимъ накалываютъ языкъ иголкой; тѣхъ же лицъ, которыя при жизни имѣли неосторожность бросать гдѣ попало части своего тѣла (волосы, обрѣзки ногтей), черти принуждаютъ ползать по всему свѣту и собирать ихъ. Особенно страшнымъ мученіемъ почитается катаніе человѣка по острымъ предметамъ — «наўпиродъ на нажэ, а посьля на брытвы». Есть множество другихъ мученій, но они, кажется, не самостоятельны. (?) Про рай у бѣлорусса еще болѣе смутныя представленія. Онъ только знаетъ, что «тамъ вельми добра, и анѣлки спѣваюць вельми хѳраша».

Если умершему на томъ свѣтѣ весьма плохо, то онъ является во снѣ своимъ живымъ родственникамъ. Тогда эти послѣдніе, для оказанія помощи своему умершему собрату, даютъ что-либо нищимъ, чтобы тѣ помолились за его душу; въ с. Никольскѣ Мин. у существуетъ обычай всю исподнюю одежду умершаго раздавать нищимъ для поминовенія его души. Вообще бѣлоруссъ при всякой возможности старается помянуть своихъ умершихъ родственниковъ; почти каждый нищій получаетъ для этой цѣли яйцо, кусокъ полотна или что-либо другое; при этомъ всѣ умершіе родственники перечисляются поименно и въ заключеніе говорится — «помныя и непомныя».

Замѣчательно то, что тѣло человѣка, по представленію бѣлорусса, находясь въ землѣ, сохраняетъ свою чувствительность, хотя положительно нѣтъ никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы заключить, что душа находится по смерти съ тѣломъ. Одинъ священникъ рассказывалъ мнѣ, что въ с. Плотницѣ Нов. у., гдѣ домъ священника находится на мѣстѣ упраздненнаго кладбища, приходилось ему слышать очень частыя рассказы о появленіи въ этомъ домѣ мертвецовъ. Между прочимъ тамошній церковный староста ему передавалъ: «Одинъ разъ я заснулъ въ этомъ домѣ на

землѣ, подостлавши подъ себя немного соломы. Ночью я слышу зоветь кто-то меня по имени: Александръ, Александръ! Я проснулся; вотъ голосъ и говоритъ мнѣ: отвернись немного на бокъ, а то ты меня слишкомъ придавилъ. Я отвернулся, легъ на другую сторону и цѣлую ночь проспалъ спокойно».

По понятію бѣлорусса, мертвые наслаждаются невозмутимымъ покоемъ; онъ говоритъ— «тѣлько на томъ свѣци и можна сапачыць». Нарушать этотъ покой бѣлоруссъ считаетъ предосудительнымъ, тѣмъ болѣе, что и сами мертвецы мстятъ за это; въ особенности бѣлоруссъ боится взять что-либо съ кладбища, не говоря уже про вещи, лично принадлежащія мертвецу. Вотъ два разсказа, повѣствующіе о вразумленіи и наказаніи живыхъ людей мертвецами за нарушеніе ихъ покоя.

— Въ с. Никольскѣ Мин. у. гончарь углублялъ въ своей хатѣ яму, въ которой онъ обыкновенно мѣшалъ глину. А нужно замѣтить, что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ его домъ, было кладбище. Случайно этотъ гончарь выкопалъ двѣ кости голени. При мѣрлялъ онъ эти кости къ себѣ, и оказалось, что онѣ принадлежали человѣку, много превосходящему его по росту. Эти кости гончарь показалъ еще нѣкоторымъ изъ своихъ сосѣдей и зарылъ ихъ, только въ другомъ мѣстѣ. Ночью во снѣ къ этому гончару явились два казака на сивыхъ коняхъ и стали спрашивать его, зачѣмъ онъ перенесъ ихъ кости въ другое мѣсто. На завтра гончаръ перенесъ эти кости изъ новаго мѣста на старое. Съ тѣхъ поръ ни разу не являлись ему во снѣ эти казаки.

— Было разъ игрыща. Паслали ў сусѣдную вѣску аднаго хлопца па гарѣлку. Треба было яму ѣхаць каля могилакъ. Прыѣхаўшы назадъ, ёнъ пачаў расказваць, што вельми спалохаўся на дарозі каля могилакъ. Стали у яго распытвацца, што ёнъ тамъ такая бачыў; дакъ гэты хлопяць и расказвая, што нѣкая баба зъ могилакъ, ўся ў бѣлумъ, абудва разы кыдалася яго каню падъ ноги. Пачали гэта на игрыщы гаварыць пра сьмярцьвицоў. Вотъ адзінъ зухъ абабраўся и гаворыць, што ёнъ адзінъ сходзіць на могілкі и прынясе аттуль адзежу сьмярцьвица. Пашла спрэчка Паспрачаліся трохи и пашоў гэты хлопяць на могілкі; аткапаў. Ёнъ тамъ яму, дастаў труну, зняў сь сьмярцьвица ўсю адзежу и прынесъ ў хату. Якъ тѣльки ёнъ ўвайшоў ў хату, дакъ заразъ падъ акномъ пачаў сьмярцьвецъ крычаць: «Няси мнѣ маю адзежу!»

Усѣ папалохалися, якъ няжывыя стаяць, маўчаць, навятъ и духу ня укажуць. А тутъ сьмярцьвецъ уходзиць ў хату и ўсѣ крычыць: «Адай мнѣ маю адзежу; я табѣ гавару, аддай мнѣ маю адзежу!» Зблядзѣў гэта той хлопяць, якъ сьмерць, вышаў у яго уже увесъ хмель зъ галавы. Падышоў гэта сьмярцьвецъ падъ яго и кажа: «Чого жъ ты стаишь? Кладзи на мне маю адзежу!» Хлопяць стаиць, якъ пень. Вотъ сьмярцьвецъ якъ загаляляшыў яму па мордзи, дакъ ёнъ навятъ и духу ни ўказаў.

Іныя разказывають, будто бы этотъ парень носилъ мертвецу одежду на дворъ, и тамъ уже расправился съ нимъ мертвецъ. (Слышалъ въ с. Никольскѣ Мин. у.).

Мнѣ приходилось въ названномъ селѣ слышать подходящій разказъ съ тѣмъ только различіемъ, что былъ принесенъ трупъ, а не платье мертвеца. Этому трупу была воткнута въ зубы горящая лучина. Вотъ онъ кривился-кривился, а потомъ обхватилъ того молодца, что принесъ его, и сколько ни старались освободить этого бѣдняка отъ объятий мертвеца, всѣ усилія оказались напрасными, и пришлось похоронить ихъ обоихъ вмѣстѣ.

Приведенныхъ явленій мертвецовъ нельзя смѣшивать съ хожденіемъ умершаго по землѣ «вупоромъ»: бѣлоруссъ строго разграничиваетъ эти два понятія. Явиться во снѣ или наяву, вслѣдствіе нарушенія постороннимъ лицомъ его священныхъ правъ покоя, можетъ всякій мертвецъ, свойствомъ же ходить по смерти «вупоромъ» по землѣ обладаютъ преимущественно умершіе знахари и знахарки, запродавшіе чорту свою душу. Самые цѣль и образъ явленій «вупора» отличны отъ всѣхъ остальныхъ подобныхъ явленій: «вупоръ» выходитъ на поверхность земли по собственнымъ побужденіямъ для нанесенія вреда людямъ, самый выходъ ихъ изъ гроба совершается безъ посторонней помощи, и вообще для тѣла ихъ не существуетъ естественныхъ преградъ. Къ тѣлу «вупора» во все время его хожденій по землѣ не прикасается тлѣніе, и оно лежитъ въ гробу, какъ живое, съ открытыми глазами. Есть повѣрье, что если человѣкъ, умирая, будетъ о чемъ-либо сильно сожалѣть, то онъ непременно ради этого предмета будетъ приходить съ того свѣта «вупоромъ». Привожу разказъ, слышанный мною въ с. Никольскѣ Минск. у., о томъ, какъ одна женщина приходила «съ таго свѣту» кормить грудью свое дитя.

— Памерла адна жонка и заставила дзця ище ў калубели. Вотъ,

бывала, прыдзя яна ў хату, пакалыша дзвця, дасць яму цыцки; а якъ пѣўни заспяваюць, дакъ яна возьма ды пойдзя съ хаты. Нѣк ѿольки разъ мужыкъ яе сустрачаў, якъ яна ишла и ў хату и съ хаты. Бывала, енѣ стая пытацца чаго-нибудь у яе, дакъ яна а ни славечка яму ни скажа, — заверняцца и пойдзя. Ня разъ гэта жонка, бывала, и гаршки и миски памыя и ў хаці прыбаре, — стараяца татыкъ добрая гаспадыня — ды й годзи! Дзивицца яе гэта мужыкъ, и самъ ни вѣдая, што яму рабиць. Стаў енѣ гэта даходзиць рады у бабѣ, якъ бы гэта яму зрабиць, кабъ жонка ня прыходзила съ таго сьвѣту. Парáдзили гэтакъ яму, кабъ енѣ папрасиў папá, схаdziў зѣ имъ на могилки, адкапаў труну жончыну и адсѣкъ жонцы голаву. Вотъ гэта мужыкъ той и зрабиў гэтакъ. Икъ аткапали труну яго жонки, дакъ яна ляжыць, вочы вытрапцѣшы, сусимъ татыкъ жывая. Дакъ ей узяли ды адсѣкли голаў. Паѣхаў гэтѣ чалавѣкъ тае нocy на нашлегъ. На дарози ўсѣ нашлезники убачыли, што нѣхто папуская ўяго якъ бы гаршкомъ. Разгледзялися яны добра, адножь за ихъ коньми идзе жонка таго чалавѣка и нясе ў рукахъ голаў. Падыдзя, падыдзя трохи — ды якъ папусьциць головою ў свайго мужыка, и гэтакъ празъ усю дарогу. Усѣ нашлезники папалохалися на сьмерць. Назаўтра пашли гэта зноў на могилки, адкапали труну тае жонки и ўбили ей ў спину асиनावы коль. И па той часъ яна бубольшѣ ни хадзила вупорамъ.

Розскажу кстати еще два загадочные случая появленія «вупора», слышанные мною въ томъ же селѣ.

— У аднаго чалавѣка пачали прападаць дрóва изъ дрывотни. Пачаў енѣ прыпыльноўваць, хто бъ гэта таки краў яго дрóва. Адзинѣ разъ енѣ прымѣциў, што нѣки чалавѣкъ прыходзиў къ яму ў адрину, съ палачкаю навяць, набраў сабѣ дроў и панѣсь на могилки. Чалавѣкъ той пазнаў, што гэта яго быў бацька. А бацька яго ище надаўно памеръ. Вотъ пашли на други день на могилцы, адкапали яго, а енѣ, татыкъ сягонни памерши, ляжыць сабѣ здравосеньки. Вотъ яму адсѣкли голаў и ўбили ў спину асиनावы коль, дакъ енѣ и пакинуў съ таго часу дрóва красьци.

— Сядзѣў адзинѣ плитникъ якъ разъ ў самая поўдня на плыци и варыў сабѣ кашу. Бачыць енѣ, што нѣшта лѣзя зѣ вады. Пригледзяўся енѣ добра, адножь нѣки чалавѣкъ вылязѣ зѣ вады и идзе падъ яго ды ўсе мармыча сабѣ падъ нось: «якъ иду, дакъ

прыду; якъ яду, дакъ прыду». Спалохаўся плытнікъ и самъ ни вѣдая, што яму рабиць. А страхъ тымъ часамъ падышоў падъ самага яго, стаў у яго надъ каркамъ ды ўсе мармыча: «якъ ишоў, дакъ прышоў; якъ ишоў, дакъ прышоў». Глядзѣў гэта на яго плытнікъ, вытращываўшы вочы, глядзѣў, а посьля якъ лinya яму гарачаю кашаю ў вочы, дакъ страхъ завярнуўся и пашоў назадъ, мармычучы сабѣ падъ носъ: «якъ прышоў, дакъ пашоу; якъ прышоў дакъ пашоў», и кинуўся ў воду падъ плыць.

Какъ поступать съ «вупоромъ» для того, чтобы онъ прекратилъ свои ночные визиты и не беспокоилъ живыхъ людей, можно видѣть изъ вышеприведенныхъ разсказовъ, поэтому я этотъ вопросъ обойду молчаніемъ и скажу только, что бѣлоруссъ слишкомъ ненавидитъ «вупора», и однимъ изъ страшнѣйшихъ проклятій у него служить «кабъ ты вупоромъ хадзиў на томъ сьвѣци».

Мой очеркъ о нечистой силѣ будетъ слишкомъ не полонъ, если я не скажу нѣсколькихъ словъ относительно возможности возложить на человѣка нечистый образъ—обратить его «у воўкалака»¹⁾.

Представленія бѣлорусса о превращеніяхъ слишкомъ обширны; но указанный случай въ его глазахъ имѣетъ болѣе отчетливую и ясную форму, такъ какъ это превращеніе чаще другихъ бываетъ, и бѣлоруссъ не только можетъ указать на очевидцевъ его, но даже и на самихъ носителей образа волка.

О происхожденіи «воўкалакоу» въ с. Никольскѣ Мин. у. мнѣ разсказывали слѣдующее.

— Любиў адзинъ хлопяць дзяўчыну, да ня захацѣў яе ўзяць, а ўзяў другую. Пярадъ шлюбамъ пашоў ёнъ кланяцца ды зайшоў къ своей першуй палубоўницы ў хату. Маци яе ды кажа яму: «вотъ бачышь, якая добрая твая маладая, навяты и на шыю ничего табѣ ни дала! На, вазьми хоць гэту ху-

1) Уже по одному тому, что волкъ былъ сотворенъ чортомъ, можно заключить о нечистотѣ этого образа, но есть еще и другія данныя, подтверждающія это. Бѣлоруссъ говоритъ, что волка нельзя бить камнемъ, потому что камень его братъ, и вѣсть съ тѣмъ, какъ мы прежде вѣдали, считается камень братомъ и чорту. При встрѣчѣ съ волкомъ для охраненія себя слѣдуетъ сказать ему: „Чаму ты тагда вы явиўся, якъ панъ Езусъ нарадзвуся“—тогда волкъ непременно убѣжитъ къ кучѣ камней и станетъ кататься по ней.

стачку и завяжы, кабѣ шыя ни была голая», — и падала яму бѣ-
линькую хустачку. Малады гэта ничога ни зразумѣў, ўзяў ды завя-
заў яе сабѣ на шыю. Вышаў ёнѣ съ хаты, аглядваяцца, адножѣ
и руки и ноги яго абростваюць воучаю шерсьцю, тўбѣлки на шыи,
дзѣ была хустачка, засталася бѣлая лапника. Далай стаў ёнѣ
глядзѣць, дакѣ и сусимѣ уже абросѣ, а замижѣ рукѣ и ногѣ
парабиліся у яго воўчыя лапы. Страшна стала яму ў селѣ. Стаў
ёнѣ ракамѣ и пабѣгѣ ў лѣсѣ и доўга жыў тамѣ зѣ ваўкамі.
Зѣ таго часу и стала можна зрабиць чалавѣка воўкалакамѣ.

Вѣ этомѣ разказѣ обращаетѣ на себя вниманіе то обстоятель-
ство, что первое превращеніе вѣ «воўкалака» было совершено
во время свадьбы. И вѣ настоящее время свадьба считается од-
нимѣ изѣ самыхѣ удобныхѣ моментовѣ для превращенія «ў воў-
калака». Иной разѣ, рассказывають, были обращаемы «ў воўка-
лаки» цѣлыя свадебные поѣзда, при этомѣ поѣзжане кувыркалися
чрезѣ что-либо, или пролѣзали чрезѣ хомутѣ. Мнѣ приходилось
слышать, будто-бы на Полѣсьѣ есть такое желѣзо, чрезѣ которое
перекувыркнувшись, человекѣ, помимо всякихѣ знахарскихѣ наго-
воровѣ, можетѣ сдѣлаться «воўкалакомѣ»; для того, чтобы опять
стать человекѣмѣ, употребляется обратное кувырканье. Какѣ для
обращенія человекѣка «ў воўкалака», такѣ и для снятія съ него
этого образа никакихѣ сроковѣ не опредѣлено, и всякое время
считается удобнымѣ. Если обращаетѣ «ў воўкалака» кого-либо
знахарѣ, то онѣ обыкновенно опредѣляетѣ лишь только срокѣ («тѣр-
минѣ»), который человекѣкѣ долженѣ прожить «воўкалакомѣ» по
истеченіи этого срока «воўкалакѣ» самѣ собою обратно становится
человекѣмѣ. «Воўкалака», даже и до истеченія срока, если уда-
рить чѣмѣ-либо хотя и простой человекѣкѣ, не знахарѣ, то онѣ
превращается вѣ человекѣка.

Жизнь «воўкалака» особенно трудна на первыхѣ порахѣ, такѣ
какѣ онѣ не можетѣ сразу привыкнуть ѣсть сырое мясо. «Воўка-
лакѣ» добръ и давить скотѣ только тогда, когда бываетѣ слишкомѣ
голодень¹⁾; но и вѣ подобныхѣ случаяхѣ, если для утоленія го-
лода дадутѣ ему человеческой пищи, то онѣ ее непременно пред-
почтетѣ сырому мясу. Интересенѣ вѣ этомѣ отношеніи разказѣ,
записанный мною вѣ с. Никольскѣ Мин. у.

1) Иные, напротивѣ, утверждаютѣ, что «воўкалакѣ», нападая на стадо,
почти поголовно избиваетѣ его, хотя ѣсть и не ѣсть.

— Прыбѣгъ къ пастуху ваўкалакъ, стаў каля яго и глядзиць яму ў вочы. Пастухъ думаў, што гэта сабака, и даў яму хлѣба. Воўкалакъ зѣў хлѣбъ и ўсе стайць ды аблизваяцца каля пастуха. Пастухъ бачыць, што сабака галодны, прылащыў яго и стаў кармиць хлѣбамъ. Воўкалакъ ѣў, ажъ покиль ни зѣў ўсяго хлѣба у пастуха. Тагды пастухъ наказаў яму, што ў торби нима нічога, и ёнъ пабѣгъ ў лѣсъ.

Привожу еще два рассказа относительно жизни «воўкалака».

— Вышаў адзинъ чалавѣкъ на дворъ, дакъ бачыць ень, што на пругмени каля яго кабылы ўвихаяцца воўкъ. Ень зачаў гукаць на яго. Выбягла ўся сямья, гоняцца за тымъ воўкамъ, а воўкъ нѣкъ тымъ часамъ ухвациў кабылу за горла и задушыў, а самъ уцякаць. Погналися тагды ўсѣ гуртамъ за воўкамъ. Воўкъ пярэку-лиўся цяразъ кола, повяся на емъ лопнуў, и ень зрабиўся чалавѣкамъ. Разгледзяўся тагды той чалавѣкъ, адно жъ гэта яго сынъ. А сыну яго да было уже семъ гадоў, якъ ень прапаў. Вотъ бацька и говориць гэтакъ на сына: Чаму ты, сынку, гэтакъ насъ пакрыўдзиў! Чаму ты задушыў нашу кабылу? А сынъ яму адказвая: ци гэтэольки я за семъ гадоў шкоды нарабиў,—и пачаў расказваць, якъ ень жыў зъ ваўкамі. Потымъ пашли ўсѣ ў хату, и воўкалакъ той пашоў разамъ съ усими. Але и ни пазнаць навяць, што зъ имъ гэтакъ было, тэольки быў надта замершы, нищемны, худы—татыкъ шепка! Доўга таки ни пажыў, змарнѣў вельми. (Слышалъ въ м. Вселюбъ; дало будто-бы происходило въ д. Кривгахъ, Всел. вол., Нов. у.).

— Адзинъ разъ гэтакъ сама да пабыў адзинъ чалавѣкъ трохи воўкалакомъ, дакъ посла яе расказваў, якъ ень жыў. Дакъ казаў, што вельми кепска на яду—ўсе сыроя мяса, дакъ и яки бѣ, бывала, кажа, ни быў галодны, дакъ иншай падлы а ни ў губу навяць ни возмяшъ. Прыбяжышъ, бывала, кажа, ў грумаду авецъ, ци ў быдла, дакъ тая, што трѣба хватаць, кабъ была и найхудшая, дакъ стайць такая пазорыстая, сытая, ажъ сьвицицца, здаецца, ўся. Задушышъ адну, здаецца нисмачна; задушышъ другую—ўсе шукаешъ смачнѣйшай, а яны ўсѣ роўныя; дакъ пярэдушышъ гэтакъ многа скацины и пойдзешъ галодны. Разъ, казаў, прыбягаў ень зъ ваўкамі на свой надворакъ и пачали хапаць парасята: дакъ ваўке бяруць што бѣольшая и лѣпшая, а ень ўсе што меньшая и горшая—нѣкъ таки шкода свайго. Спаць лажыўся, казаў, разамъ зъ воўкамі, але цѣнгля за вѣтрамъ, кабъ сивярамъ (вѣт-

ромъ) ни цягнула на ваўкоў, бу лныбъ яго разарвали. На паслѣдку нѣкъ уже енъ легъ проциў вѣтру. Прачнуўся енъ, дакъ тращыць яго шкура. Енъ гэта барджей ўсхваццўся, да дай Божа ноги—ў сяло! А ваўке за имъ. Лѣдзьвя-ня-лѣдзьвя нѣкъ енъ ускочыў ў сѣни, кульнуўся цяразъ парогъ и зрабиўся чалавѣкамъ зноў. На гэты часъ у сѣняхъ было яго дзиця. Дакъ бѣдная на ўсѣ сѣни каля нарабила крыку: мама, воўкъ! Выбягла маці ў сѣни, адно жъ стоиць тамъ яе мужыкъ. Чалавѣкъ той жыў ище доўга. Ничога, быў сабѣ здаровы, тўольки сподняя губа была вельми тоўстая.

Приведенныя мною въ настоящемъ очеркѣ свѣдѣнія составляютъ лишь тысячную долю того, что таится еще въ Бѣлоруссіи. Еще много таинственнаго и неизвѣданнаго сокрыто въ этой странѣ волшебниковъ, и это лишь капля воды изъ обширнѣйшаго моря. Потребуется не мало труда и времени для того, чтобы собрать этотъ любопытный этнографическій матеріалъ (и должно сознаться, что много чего погибнетъ невооруженно подъ напоромъ новѣйшей культуры); еще болѣе потребуется усиленныхъ трудовъ и времени для того, чтобы свѣтъ науки озарилъ эту темную суевѣрную сѣть традиціи.

П. П. Демидовичъ.
